

18+

ВАЛЕНТИНА ЗАЙЦЕВА

УСАДЬБА ВУРДАКА

С ТОБОЙ НАВСЕГДА....

Валентина Зайцева

Усадьба вурдалака

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70897366

ISBN 9785006422056

Аннотация

Вурдалак Владимир жаждет тишины и покоя в своем уединенном уголке, где прошли годы его затворнической жизни. Однако его спокойствие нарушает оборотень Михаил, у которого на уме большие планы. Михаил хочет преобразовать усадьбу в модную гостиницу. Что же может пойти не так? Вдобавок ко всему, в мечтательный мир усадьбы неожиданно врывается девушка, убегающая от скандала. Её приезд ставит под угрозу не только миролюбивые намерения Владимира, но и затею Михаила по преобразованию родового гнезда.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	45
Глава 7	51
Глава 8	55
Глава 9	63
Глава 10	71
Глава 11	75
Глава 12	88
Глава 13	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Усадьба вурдалака

Валентина Зайцева

Иллюстратор Нейроплод

© Валентина Зайцева, 2025

© Нейроплод, иллюстрации, 2025

ISBN 978-5-0064-2205-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отказ от ответственности

Эта книга является художественным произведением. Любое сходство с каким-либо живым или умершим человеком является чисто случайным. Персонажи и места являются плодом воображения автора и использованы вымышленно. Любое сходство с реальными людьми, организациями или событиями является чисто случайным.

Посвящается любимой мамочке. С любовью, уважением и обожанием. Всегда.

Пролог

Мне хотелось, чтобы всё остановилось хотя бы на минуту. Как он мог так долго меня обманывать? Какая же я глупая! Почему я вообще поверила, что он хочет со мной будущего? Ах да, воля родителей! Я схватила со стола кружку и с силой швырнула её в Марка.

– Я тебя ненавижу! Ненавижу!

Марк пригнулся, и кружка пролетела мимо, ударилась о стену и разбилась вдребезги, рухнув на пол. Лучше бы она попала в него. Он это заслужил.

– Успокойся, Аделина, – сказал он, поднимая руки.

– Не смей указывать мне, что делать! Ты подлец! Как ты мог? Три года! Я потратила на тебя три проклятых года!

Он даже не выглядел виноватым. Господи, как же мне хотелось вышвырнуть его в окно!

– Да ладно, Аделина, ты же знаешь, что ты мне дорога.

– Дорога? Не смей меня! Если я тебе так дорога, почему ты спал с другими за моей спиной?

Он вздрогнул.

– Они для меня ничего не значили.

– Это не оправдание, Марк. Это худшее, что ты мог сказать.

– С тобой, знаешь, не так-то просто ужиться.

Он что, пытается свалить вину на меня? Я шагнула к нему

и с размаху ударила по щеке. Чёрт, как же это приятно!

– Не смей перекладывать это на меня! Я тебе не изменяла!

Он прижал руку к лицу, глядя на меня в шоке.

– Аделина...

– Нет, Марк. С меня хватит. Мы закончили!

Я развернулась и направилась в спальню. Спорить с ним дальше не было сил. Он не испытывал ни капли раскаяния. Пора было сделать то, что я должна была сделать несколько месяцев назад, а не за три дня до свадьбы.

– Куда ты идёшь?

– Куда угодно, лишь бы подальше от тебя.

Я ворвалась в спальню и начала бросать одежду в сумку. Он последовал за мной. Я проигнорировала его, отсоединила зарядку телефона от розетки и кинула в сумку косметику с расчёской. Затем прошла в ванную, чтобы собрать туалетные принадлежности. Этого хватит на пару дней, пока я не решу, что делать дальше.

– Пожалуйста, ты не можешь просто уйти. Наши родители...

Я прошла мимо него обратно в гостиную и распахнула входную дверь.

– К чёрту тебя, Марк! Не смей мне звонить. Между нами всё кончено. И мне плевать на тебя, на вашу империю и на будущее, которое строят наши родители. Гори в аду!

Я вышла, хлопнув дверью, не обращая внимания на его жалобное лицо. Он не заставит меня чувствовать вину

за уход. Он виноват. Он изменял, а не я. Как я могла этого не заметить? Он никогда не был идеальным, но я и представить не могла, что он зайдёт так далеко. Надо было догадаться.

Глава 1

Владимир

– Ты даже не заметишь, что они здесь, – сказал Михаил.

Я усмехнулся, откинувшись в своём любимом кресле, и ткнул в него костлявым пальцем. Дружба с Михаилом – единственное, что у меня осталось, но, честно говоря, после этого разговора я готов пересмотреть наши отношения.

– Михаил, это строительная бригада. Я точно буду знать, что они здесь.

Брови Михаила нахмурились.

– Это необходимо.

– Необходимо? Ты превращаешь мою усадьбу, дом моих предков, в какую-то дешёвую гостиницу, – проворчал я. – Ты же знаешь, как я ненавижу постоялые дворы.

Он провёл рукой по светлым, аккуратно подстриженным волосам, убирая их с лица. Его точёные черты часто искажала ухмылка, от которой мне хотелось его придушить. Михаил закатил глаза, бормоча что-то о моём высокомерии. Жалкий глупец должен был бы знать, что райские врата закрыты для нас обоих. Проклятые, мы обречены на вечное одиночество.

– Ты не любил своих предков, пока они были живы, и это не постоялый двор, Владимир Андреевич, – он развёл руками и пожал плечами. – Это скорее бутик-отель, место, где го-

сти смогут остановиться и почувствовать себя лучше в своей суетной жизни.

Усадьба рода Донских пережила века войн и лишений, а теперь Михаил хочет превратить её в приют для безмозглых туристов. Если бы не моя родовая гордость, я бы давно бросил эти развалины и уехал колесить по миру. Но нет, я сижу здесь и гнию. Ради чего? Этот вопрос мучает меня веками, и ответа я так и не нашёл.

– Отель? Ты превращаешь мой дом в ночлежку? – я скрипел, желая, чтобы он оставил меня в покое.

Я потёр виски, раздражение нарастало с каждой секундой. Сквозь пальцы скользнули жёсткие белые пряди. Сколько я уже здесь сижу?

– Финансовый консультант говорит, что лучший способ заработать – это сделать наши активы привлекательными, – продолжал Михаил, и я в ужасе моргнул, вслушиваясь в его слова.

Очевидно, что с его рассудком творится что-то неладное. Каждый раз, когда Михаил врывается в моё уединение со своими идеями, я вижу, как его разум всё больше портится от общения с людьми. Безмозглый.

– Привлекательными? Что за нелепое слово!

– Ты будешь повторять за мной, как попугай? – он в отчаянии всплеснул руками, будто это я веду себя нелепо.

Я?! Триста лет, а он так ничему и не научился.

– Это значит сделать усадьбу стильной, изысканной. Пе-

ределать её, немного приукрасить. Сделать модной, чтобы люди захотели здесь жить. Консультант говорит, что мы могли бы сдавать комнаты за десятки тысяч рублей за ночь, вложив совсем немного.

Мой взгляд скользнул по обветренным каменным стенам моей спальни. По резному деревянному шкафу, уютному камину, старым вышитым шторам, висящим здесь десятилетиями. Вдруг мне стало страшно, что всё это покроют безвкусными обоями, дешёвыми простынями и мылом из супермаркета.

– Стильной? – я повернулся к нему, глаза расширились от тревоги. – Когда мы успели нанять консультанта? Кто он такой?

Михаил тяжело вздохнул, потирая бледное лицо.

– Это человек.

– Я так и знал! Что значит «приукрасить»? Это моя усадьба, Михаил, а не дешёвая актриса, которую можно нарядить! Я категорически против.

– Можешь быть против сколько угодно, – он расстегнул пиджак и закатил глаза. – Этот человек – профессионал, и я ему доверяю. Усадьбе не помешает ремонт. Электричество барахлит, водопровода толком нет. Надо всё обновить, вернуть былую славу. Команда уже едет.

Он направился к буфету и налил себе виски.

– Это унижительно, – выдохнул я. – И где ты взял этот костюм? Выглядишь как павлин.

Он поправил свой яркий галстук.

– Алексей сшил его для меня. Хватит менять тему. Это важно.

Важно для того, кто одевается как павлин.

– Интересно, сколько сейчас платят наёмникам? – буркнул я.

Михаил покачал головой, раздражённо вздохнув.

– Позволь мне объяснить, старик. У тебя нет ни копейки. Ты не ешь, не спишь и, судя по запаху, не моешься. Ты в шаге от могилы, вот только умереть не можешь! Разве ты не видишь проблему?

– Твои слова имели бы смысл, если бы мы не были уже мертвы, – парировал я.

Его слова всё же пробились сквозь мой упрямый разум. Я выпрямился, глядя на него – это всё, на что я был способен.

– К твоему сведению, я мылся на прошлой неделе.

– Падение в пруд не считается, – пропел он раздражающим тоном, от которого мне хотелось вытолкнуть его в окно. – И никаких наёмников. Посмотри на себя, Владимир Андреевич, ты похож на призрака из старой сказки.

Кровь в моих венах закипела.

– Как ты смеешь!

Я поднялся с кресла, руки дрожали, когда я выпрямился во весь рост. Я возвышался над Михаилом ровно две секунды, пока ноги не подкосились, и я не рухнул на пол.

Михаил усмехнулся, и, если бы я мог пошевелиться, я бы

его прикончил. Но он прав. Мое тело истощено, за последнее столетие я постарел на тысячу лет, и всё же мне всё равно. Я останусь в этой усадьбе, пока она не сторит или не станет приторно-розовой.

Самый могущественный вурдалак из всех, и в свои почти семьсот лет я позволяю превратить дом моих предков в отель. Это отвратительно.

Я вздохнул, лёжа на пыльном ковре, глаза сами собой закрылись.

– Ладно, – пробормотал я.

Большинство не разобрало бы моих слов, но Михаил услышал.

– Никакого розового, – добавил я.

– Никакого розового. Я всё улажу, Владимир Андреевич.

Будет великолепно!

Убейте меня сейчас.

Глава 2

Аделина

– Мы все погибнем.

Я, кажется, сказала это вслух, впиваясь ногтями в подлокотники кресла и глядя на крошечную дверь передо мной. Светлые пряди волос падали на лицо, но я слишком боялась их убрать. Сигналы тревоги выли, пилоты что-то кричали уже несколько минут.

А я? Я дышала в кислородную маску, словно от этого зависела моя жизнь, и проклинала себя за то, что не выбрала другую авиакомпанию.

Почему я согласилась на это?

Ещё утром я восхищалась, какой большой и современный этот самолёт. А теперь он превратится в грудку обломков, разбросанных по полю. Я должна была быть в Таиланде, на своём медовом месяце – без Марка, конечно, – но вместо этого я сижу в хвосте самолёта, из которого валит дым.

Двигатель издал скрежещущий звук, и я взвизгнула, выпустив подлокотник, чтобы схватить телефон. Слёзы застилали глаза, я едва видела экран, набирая бабушке: «Я тебя люблю». Внезапно что-то ударило меня по лицу, телефон выпал из рук и рухнул на пол.

Замечательно!

Кряхтя, я нагнулась, чтобы поднять его, и только тогда

заметила кислородную маску, болтающуюся над головой. Я уставилась на неё в панике. Почему я никогда не слушала инструктаж?

Всё будет хорошо. Всё будет хорошо.

Ничего не хорошо!

Дрожащими руками я схватила маску и натянула на лицо. Вдохнула запах пластика и посмотрела в окно. Тело замерло.

Это... огонь?

Его точно не должно там быть.

Я тяжело выдохнула. Худший день в моей жизни.

– Пожалуйста, я просто хочу выбраться! Я не готова умирать, – шептала я, молясь, чтобы кто-нибудь наверху услышал.

Слёзы текли по щекам, и в миллионный раз за день я задумалась о своих ошибках.

Ошибка номер один: доверять человеку, который орёт на продавцов, если его любимого йогурта нет в магазине.

Ошибка номер два: сказать «да» мужчине, который счёл нормальным переспать с двумя женщинами за пару дней до свадьбы.

Ошибка номер три: позволить Полине уговорить меня обменять билет в Таиланд на поездку по старинным усадьбам Подмосковья.

Самолёт затрясло, я закричала, звук заглушила маска. Зажмурилась, слыша только своё дыхание, пока самолёт резко не остановился. Кровь прилила к голове, прошла секунда,

потом вторая, и адреналин захлестнул меня. Пальцы запутались, но я расстегнула ремень и вскочила.

Выбраться. Выбраться. Выбраться из этого чёртова самолёта.

Голова кружилась, я протёрла глаза, пытаюсь сфокусироваться. Вдруг сильные руки схватили меня за талию. Я вскрикнула.

– Девушка! Вы в безопасности! – прокричал мужской голос. – Дышите!

Я открыла глаза и поняла, что вцепилась в растерянного бортпроводника. Тряслась, как осиновый лист. Он неловко похлопал меня по плечу, и я разрыдалась, обняв его так, будто он был моим спасителем.

– Я жива!

– Успокойтесь, – мягко, но строго сказал он.

Мои рыдания перешли в икоту. Я отстранилась и в ужасе уставилась на его белую рубашку, испачканную тушью и слезами.

– Боже, простите! – я принялась тереть пятна, пытаюсь их стереть. – Мне так жаль!

Он моргнул, его глаза расширились – не знаю, от того, что я к нему прикасаюсь, или от страха, что я снова разревусь. Потом он улыбнулся.

– Всё в порядке. Аэропорт предоставит такси, оно отвезёт вас, куда нужно, – сказал он, указывая на выход.

Я вышла из самолёта и направилась за багажом, но че-

рез час узнала, что его потеряли. Кошмарный день! Всё, что у меня осталось, – сумочка и ручная кладь с пижамой, тапочками, косметикой и зубной щёткой. Чёртов самолёт. Чёртова жизнь. И люди, в основном, ужасны. Я злилась на всех, но больше всего на себя.

Через час я сидела в такси. За окном падал снег. Что мне теперь делать?

Годами я терпела выходки Марка – вечеринки, таблетки, вытаскивала его из-под ареста. И всё ради обещания, что он возьмётся за ум. Но он не изменился.

Слёзы снова навернулись, я протёрла глаза. Плакать глупо. Мужчины глупы. Я откинулась на подголовник, глядя в пустоту. Как я могла не заметить?

Телефон завибрировал. Я вздохнула, готовясь к вопросам и полному игнору моих границ.

– Мама, я правда не хочу сейчас говорить, – сказала я, не скрывая раздражения.

– Аделина, милая, мужчины иногда делают глупости. Лучше просто закрыть на это глаза. Они потом одумываются. Отец поговорил с Марком, он хочет, чтобы ты вернулась...

Как они смеют?!

– Мааам, – простонала я.

Какой смысл рассказывать ей, что я чуть не погибла в самолёте? Она, скорее всего, спросит, какие открытки я хочу на свадьбу – белые или кремовые. Вот насколько их волнует моя жизнь.

– Он сказал, что сожалеет.

– Мам, он изменял мне перед свадьбой!

Она вздохнула, но не из-за Марка. Мама предпочла бы, чтобы я молчала о его поступке, ведь тогда он станет реальностью, а это недопустимо. Это разрушило бы её идеальную картинку.

– Не будь такой резкой, Аделина, – снова вздох. – Вернись домой, мы всё уладим. Мы просто хотим...

– Серьёзно? Один разговор с Марком ничего не изменит. С меня хватит, и мне жаль, что ты не получишь своей идеальной свадьбы.

– Аделина Александровна, что на тебя нашло? Мы хотим для тебя лучшего!

– Лучшего? – я фыркнула. – Вы хотите, чтобы я вышла за него, потому что вам с папой нужно слияние компаний.

Мой отец и его партнёр Константин Серов годами планировали объединить бизнес. Условие? Я должна выйти за Марка Серова и родить наследников их империи. Брак по расчёту, завёрнутый в красивую сказку. Марк использовал меня для популярности, отец – для доли в компании. Все счастливы. Кроме меня.

Измена Марка стала последней каплей. Он перешёл все границы.

Я посмотрела в окно на заснеженный лес и поймала своё отражение.

– Мама, я не выйду за него.

– Где ты? – спросила она.

Если я скажу, они завтра прилетят и будут уговаривать меня простить его. Я покачала головой.

– Перезвоню через пару дней. Пока.

Я сбросила вызов, телефон упал на колени. Грудь сжалась от боли и предательства. Неудивительно, что они не поддерживают мой уход. Марк – золотой мальчик. Его все обожают.

Они не знают, какой он эгоистичный лицемер. И это не изменится.

Чтобы отвлечься, я открыла соцсети и утонула в сотнях сообщений с поздравлениями к свадьбе. Желудок сжался. Катастрофа. Как я это объясню? «Эй, свадьбы не будет, ха-ха»? Или «Все мужики – козлы, хотите фотки подмосковных усадеб»?

Неважно. Когда мы отъехали от аэропорта в сторону севера Москвы, где Полина забронировала отель, сигнал пропал. Может, оно и к лучшему. Я не смогу бесконечно листать свою разваливающуюся жизнь.

Господи, какая же я наивная. Наши с Марком жизни были так переплетены, что я не знала, где заканчивается его и начинается моя. Я думала, он меня любит. Думала, он хочет того же, что и я – семью, детей, путешествия. Слёзы текли по щекам, рыдания сотрясали тело.

– Девушка? – окликнул водитель.

Я подняла глаза. Он протягивал белый платок.

– Ой, спасибо, – я вытерла слёзы и высморкалась, всхли-

пывая. – Простите, пожалуйста.

Я попыталась вернуть платок, но он покачал головой, улыбнувшись в зеркало.

– Оставьте себе.

Может, доброта ещё жива. Или он просто не хотел брать обратно платок с моими соплями.

Через час моё сердце замерло, когда такси свернуло, и передо мной появилась старинная усадьба. Невероятно! Мы проехали через мост и арочные ворота, ведущие к поместью.

Фотографии, что присылала Полина, не передавали всего величия. Я замерла, поражённая размерами усадьбы. Тёмно-серые стены казались почти чёрными на фоне свежего снега. Окружённая лесом, она была элегантной, но с ноткой готики. Я схватила телефон, чтобы сделать фото, подбирая фильтр, чтобы запечатлеть её красоту.

– Вы уверены, что у вас тут бронь? – с тревогой спросил водитель. – Я даже не слышал об этом месте...

Не успел он договорить, как ворота со скрипом открылись. Он проехал по гравийной дороге и остановился у парадного входа. Затем выскочил, чтобы открыть мне дверь.

Я вышла и огляделась, пытаюсь всё рассмотреть. Потрясающе. Особенно вечнозелёные деревья, разбросанные за усадьбой. Дух захватывало.

– Спасибо большое, – искренне сказала я.

Но водитель уже прыгнул в машину. Его глаза были широко раскрыты, когда он рванул прочь, словно за ним гнались.

Оставшись одна, я позволила себе вдохнуть момент. Снег падал лёгкой пылью, покрывая деревья и булыжную дорожку к входу. Это не то, что я планировала, но, возможно, именно то, что мне нужно.

Я закрыла глаза, наслаждаясь холодом снежинок на щеках. Когда открыла, в дверях стоял старик, глядя на меня так, будто я вторглась на его территорию. В доме престарелых он был бы на месте: тёмно-синее шёлковое одеяние свисало с плеч, редкие седые волосы развевались на ветру.

– Чего тебе надо? – буркнул он, и я опешила от его грубости.

Его взгляд скользнул по мне, губы скривились. Я посмотрела на свой наряд: чёрные легинсы, фиолетовый свитер, розовое пальто от известного дизайнера и угги. Почему он смотрит на меня, как на шутку, если сам в платье?

– Здравствуйте, я, возможно, приехала раньше, но у меня бронь, – сказала я, натянув улыбку.

Он оглянулся на усадьбу, а когда снова посмотрел на меня, в его глазах читалось презрение.

– Бронь?

– Да, – растерялась я. Обычно в отелях встречают приветливые администраторы, а не старики, готовые погрозить кулаком. – Простите, не подскажете, где регистрация?

– Михаил! – рявкнул он, развернулся в тапочках и исчез в усадьбе.

Что за...?

Это мой сигнал идти за ним?

Похоже, что да.

Глава 3

Владимир

Молодая девица таращится в потолок, её рот приоткрыт от изумления.

– Боже, это как из «Семейки Аддамс»!

Что за чушь? На этот раз я точно прикончу Михаила. Всё из-за этого напыщенного, самодовольного болвана. Какого чёрта она здесь делает?

– Михаил! – рявкаю я, желая, чтобы он разобрался с этой проблемой, которую сам же создал.

Вдруг она запрокинула голову и завизжала. Я поморщился, звук эхом отозвался в моей голове, и я мельком подумал, не стали ли женские голоса на несколько октав выше, чем я помню... Или это только она такая?

– Ох, как здесь красиво! – восхитилась она, явно очарованная усадьбой.

По крайней мере, вкус у неё есть.

– Боже, никто не говорил, что здесь будут актёры! Полина, ах, Полина! Какой сюрприз! Вы прямо как настоящий вурдалак! В вас чувствуется атмосфера «Вия»!

Мой нос сморщился, когда я проследил за её взглядом. Михаил стоял на верхней площадке парадной лестницы, и, к моему негодованию, выглядел таким же ошарашенным её присутствием, как и я. Но этот мерзавец ещё и ухмылялся!

– Вурдалак? – Михаил весело фыркнул, указывая на себя. Мои глаза расширились. Как она посмела! Люди со своим нелепым увлечением сверхъестественным... Назвать его вурдалаком? Его?! Она явно бредит. Ей нужно немедленно уйти.

– Если серьёзно, вы отлично справляетесь с ролью, – сказала она, пока он спускался по лестнице.

Я громко кашлянул, чтобы привлечь её внимание.

– Сударыня.

Она обернулась, её длинные светлые волосы взметнулись вокруг бледного лица, словно она только сейчас вспомнила о моём существовании.

– Ой, простите! Вот, держите, – сказала она, сунув мне в руки свою сумку, и тут же помчалась к старинным доспехам, что я приобрёл века назад. – Боже, всё просто невероятное! – воскликнула она.

Щёлкнула камера её телефона. Яркая вспышка чуть не ослепила меня. Женщины – сущая напасть! Почему я терплю это? С рычанием я швырнул её сумку на чёрно-белый мраморный пол.

– Михаил, это невыносимо. Эта девица должна...

Она помахала Михаилу, и я нахмурился ещё сильнее.

– Ох, извините. У меня есть бронь, – повторила она, как какая-то простушка.

– Конечно, – ответил он, в то время как я выпалил:

– Ни в коем случае!

Пока я стоял, кипя от раздражения, он взял её за руку, прошёл мимо меня и принялся обещать ей горячий шоколад и лучшую комнату в усадьбе. Этот нелепый человек превратился в какого-то угодливого шута при виде женщины. Проклятый осёл.

Я кипел от возмущения. Так и подмывало бросить её сумку на пол, чтобы этот «вурдалак» сам её поднимал и разбирался с последствиями. Хотелось бы, чтобы их обоих сожрало лесное чудище.

Час спустя Михаил посмел отчитывать меня – в моём же кабинете! – за то, что я не отнёс её сумку в комнату. Нет, с меня довольно!

– За кого ты меня принимаешь, Михаил? За лакея?

– Честно? Ты выглядишь так, будто сражался с огородным пугалом и проиграл, мешок костей.

– Почему она здесь? – я вцепился в подлокотники кресла, раздражение переполняло меня, как никогда за последние десятилетия.

Михаил стоял, глядя на какую-то безделушку в своей руке, с выражением тревоги и растерянности.

– Откуда мне знать? Мы открываемся только через неделю. Западное крыло ещё не готово.

– Тогда избавься от неё!

– И как, по-твоему, это сделать? – он скрестил руки.

Я фыркнул.

– Этого бы не случилось, если бы ты не решил превратить

усадыбу в постоялый двор.

– Ещё раз: это бутик-отель с люксовыми номерами, а не постоялый двор.

Мысль отослать его вместе с ней куда подальше мелькнула в голове, но это лишь сильнее меня разозлило.

– Она не может остаться. Я чувствую её запах даже отсюда. Её кровь манила меня даже сейчас, её аромат будоражил чувства. Прошло слишком много времени с тех пор, как я был рядом с женщиной, тем более с живой, из плоти и крови. Даже её цветочные духи не могли скрыть этот запах, от которого ныли клыки.

Михаил принялся расхаживать передо мной, а я устроился в своём кресле – он называет его «стариковским», но это великолепное кресло, прослужившее мне десятилетия. Да, красная плюшевая спинка немного продавлена, но она идеально облегает мою худощавую фигуру.

– Владимир Андреевич, мы открываемся через две недели. Гости будут здесь постоянно. Если бы ты питался, это не было бы проблемой.

– Я не собирался торчать среди гостей! – я вскипел, мои когти впились в подлокотники, когда я сжал кулаки. У меня даже не хватало сил втянуть их. – Это не входило в план, и никто не предупреждал, что здесь будет она. Её запах... он слишком... манящий.

– Надеюсь, ты не собираешься пугать гостей, – он сморщил нос для пушшего эффекта. – Они и так будут в шоке

от твоего вида.

– Я в трауре, – буркнул я.

– Я тоже. Скорблю по тому, что ты с радостью чахнешь. Скоро станешь похож на Марфу, – пробормотал он, содрогнувшись.

Я посмотрел на него сверху вниз, будто на мне были несуществующие очки.

– Марфа – замечательная женщина.

– Она буквально ходячие кости и не произнесла ни слова четыреста лет. Это ненормально.

– Что ты хочешь, чтобы я сделал? Ей нравится здесь.

Закатив глаза, Михаил отмахнулся от темы Марфы.

– Для начала ты мог бы поесть. И, кстати, нам нужен повар.

– Что? Зачем нам чёртов п... Ох.

– Люди, Владимир Андреевич. Мы пригласили людей, но у нас нет еды. Да, она приехала раньше, но что делать? Если мы откажемся её принять, получим плохой отзыв. Или предложим Марфе стать поваром? Боже, это кошмар!

В памяти всплыло, как я, ещё мальчишкой, сидел с Марфой, пока она готовила завтрак.

Мой кулак ударил по потёртой коже подлокотника.

– Я сам буду готовить.

Михаил резко обернулся, его глаза комично вылезли из орбит, и я представил, как они выкатываются из его безвкусного черепа.

– Ты не был на кухне двести лет. Как ты собираешься готовить?

Я тяжело вздохнул и вперил в него взгляд.

– Успокойся, «вурдалак». Это всего один человек. Я справлюсь. И перестань метаться, ты похож на трусливого щенка.

Он фыркнул.

– Я трус? Если бы ты видел себя в зеркале! – он расхохотался, и мне захотелось заткнуть его ударом, но сил не хватило.

– Кто бы мог подумать, что она назовёт меня вурдалаком? Должно быть, дело в костюме, да? – он поправил пиджак. – Нам ещё нужен интернет.

Что ещё за ерунда?

Мои глаза расширились при мысли об этом «интернете» в священных стенах усадьбы. Конечно, я знаю о технологиях и не совсем отстал от времени, но не питаю иллюзий, что мне когда-либо понравится эта легкомысленная чепуха. Книги – вот источник знаний.

– Ладно, – буркнул я.

Я сдержал улыбку, заметив, как Михаил от удивления вытаращил глаза. Ради одного его выражения стоило согласиться.

– Чего хотят гости, то и получают, – добавил я, небрежно махнув рукой.

– Верно. Значит ли это, что ты начнёшь питаться? Ты

выглядишь, будто разваливаешься. Никто не захочет найти твои седые волосы в супе, – он ухмыльнулся, глаза заблестели.

– Отстань.

Его ухмылка стала шире.

– Она красивая, правда?

Перед глазами мелькнули растрёпанные светлые волосы, аккуратный нос и ярко-зелёные глаза на сердцевидном лице.

– Возможно. Я был занят борьбой с желанием её съесть, чтобы разглядывать её черты.

Я покачал головой, поражённый абсурдностью этого плана.

– Как ты вообще додумался тащить сюда людей?

– Полтора десятка тысяч рублей за ночь за номер, Владимир Андреевич. Вот о чём я думал, – он пожал плечами. – Поешь, и станешь менее сварливым.

– Ты выглядишь как бродяга, которого выгнали из дома престарелых, а я пытаюсь тебя спасти. Помоги мне помочь тебе.

Я ткнул в него пальцем.

– Я тебя убью.

– Пока не начнёшь питаться, не сможешь, – он усмехнулся. – Ты дряхлый и шатаешься по усадьбе, как калека.

Я зарычал от его наглости.

– Я заставлю тебя пожалеть об этих словах, Михаил, – огрызнулся я, впервые за десятилетия жалея, что позволил

своему телу иссохнуть.

– Жду с нетерпением, старец.

– Если бы не твои дурацкие планы, этого бы не случилось, – пробормотал я.

Михаил посмотрел на меня, в его глазах мелькнул странный огонёк. Он поправил галстук.

– Может, это и к лучшему. Наконец-то что-то вытащит тебя из спячки последних двух веков. Мне пора готовить комнату для гостыи. Постарайся не рухнуть и не сломать себе что-нибудь по пути на кухню. В холодильнике есть всё для людей... и для тебя.

Дверь за ним закрылась, и я остался наедине с мыслями.

Холодильник полон, говорит он. Наглец. Меня не волнует, что я чахну. Бессмертный веками, я стал пустой оболочкой. Мало что приносит радость, и я хочу лишь покоя, вдали от всех.

Мои губы скривились от злости. Михаил своими интригами загнал меня в угол – мне придётся восстановить силы. Контроль над разумом будет сложно вернуть в таком истощённом состоянии, и я уверен, что этот мерзавец всё рассчитал.

Надо напомнить Михаилу, чтобы гости не заходили в мои покои. Существование Марфы им не объяснить.

– Аххх!

Вот и она, лёгкая на помине. Её костлявая рука бросила два пакета с кровью на стол, и в поле зрения мелькнул её череп.

– Марфа, хватит меня нянчить. Оставь меня в покое.

Скрип её суставов эхом разнёсся по комнате, когда она ушла. С резким скрежетом двери я снова остался в тишине. Надо сказать Михаилу, чтобы смазал петли.

Пакеты с кровью. Я поморщился, откусил угол одного и проглотил безвкусную жидкость, допивая со вздохом. Плоть на моих руках начала оживать, слегка засветившись. Люди в моей усадьбе.

Это будет катастрофа.

Глава 4

Аделина

Вибрация телефона разбудила меня. Глаза так пересохли, что казалось, будто я трусь лицом о песок. Я застонала, потирая их. Пожалуйста, хватит мне звонить.

На экране высветилось имя Марка. Ох, нет. Я нажала «Игнорировать», отправив его на голосовую почту, но удовлетворение длилось ровно секунду, пока я не увидела время. Шесть утра? Этот подлец всё ещё портит мне жизнь.

Простыни липли к коже, и я нахмурилась. Почему так жарко? Мысли снова закружились вокруг его измены и того, что родители не поддержали меня, заботясь больше о своей империи, чем обо мне.

Раздражённая тем, что мозг явно не собирается отключаться, я отбросила простыню и потянулась, ещё больше злясь на липкий пот на шее. Кошмар.

Через двадцать минут я надела белые пушистые тапочки с кроличьими ушками и спустилась по лестнице в пижаме, бормоча под нос. Тапочки мягко шлёпали по паркету в холле. Господи, какое огромное место.

Тёмно-бордовые стены подчёркивали золотые бра и люстры, но их было немного, что странно.

Как бы я хотела, чтобы аэропорт не потерял мой багаж. Теперь придётся расхаживать по усадьбе в пижаме. Надо по-

стирать одежду после этого долгого и жуткого перелёта.

– Боже, здесь ещё жарче, – пробормотала я.

Я провела рукой по гладким деревянным перилам главной лестницы, и мой взгляд упал на заснеженный пейзаж за окнами вестибюля. Я тут потею, а снаружи настоящая метель.

– Михаил? – позвала я, гадая, где он может быть в такую рань.

– Доброе утро, Аделина, – отозвался он, появляясь внизу лестницы, будто ждал меня.

Я выдавила улыбку, хотя это последнее, что мне хотелось делать. Несмотря на мягкую и удобную кровать, я почти не спала, всё тело ныло. Это, должно быть, отразилось на моём лице, потому что улыбка Михаила угасла, когда он внимательно посмотрел на меня.

– Вы в порядке?

– Да, нормально, – солгала я. – Просто немного не в себе. Слишком много мыслей, чтобы выспаться.

– Может, дело в смене климата, – предположил он. – Это может вымотать, пока не привыкнешь.

– Возможно. Почему здесь так жарко, Михаил? Клянусь, я вся горю, – я отбросила липкие пряди волос, выпавшие из пучка.

Надеюсь, авиакомпания скоро найдёт мой багаж, так как есть большая вероятность замерзнуть насмерть на улице, несмотря на то, что в моей комнате жарко.

Он нахмурился.

– Вам не холодно? – спросил он, глядя так, будто это я виновата в жаре.

– Нет, конечно! Здесь как в бане, – я указала на снег за окном и потянула ткань ночной рубашки. – Похоже, вы вложились в хорошую теплоизоляцию. Но, серьёзно, слишком жарко.

Его бледное лицо побелело ещё сильнее.

– Прошу прощения. Должно быть, проблема с отоплением. Дайте минуту, я всё исправлю.

– Спасибо огромное, вы спаситель, – я улыбнулась. Мой желудок заурчал. – Скажите, а где можно позавтракать? Я не успела глянуть ваш сайт.

Я молилась, чтобы завтрак был. Марк пять месяцев заставлял меня поститься перед свадьбой, но теперь, когда его нет, я собираюсь есть всё подряд. Если слово «диета» больше никогда не прозвучит, я буду счастлива.

– Вниз по коридору и направо, – ответил он. – Мы подумали, что из-за смены климата вы можете встать рано, так что всё готово. Повар сейчас разогревает еду.

– Неужели вам не жарко? Как вы не потеете? – спросила я, но, оглянувшись, поняла, что его уже нет.

Я облегчённо выдохнула, когда прохладный воздух коснулся кожи. Наконец-то я нашла столовую, и мой взгляд поймал огромную люстру над головой. Боже, это место – настоящий дворец! Даже стулья из тёмного ореха выглядят так, будто им сто лет. Наверное, копии.

Я направилась к большому столу с завтраком, за которым открывался вид на заснеженную территорию. Живот громко заурчал.

В голове заиграла мелодия детской песенки: «Приходите в гости к нам». Я улыбнулась, разглядывая резной деревянный потолок. Может, это будет хэштег: #ЛоговоЗверя.

Я села, листая соцсети, готовая съесть всё, что на тарелке, пока не посмотрела на неё. Что за...? Это похоже на... в худшем случае на что-то непотребное, в лучшем – на обугленный кусок мяса. Это точно не завтрак, и я уже не уверена, что хочу нарушать диету.

– Попробуйте.

Моя вилка с грохотом упала на стол.

– Господи, вы меня напугали!

Я обернулась на голос, и мой рот приоткрылся. Мать Божья.

Передо мной стоял самый красивый мужчина, которого я видела. Он прислонился к боковой двери, которую я не заметила, войдя. Руки скрещены на груди, прикрытой костюмом, губы сжаты в тонкую линию. Он стоял неподвижно, и чем дальше я смотрела, тем сильнее горели мои щёки, но я не могла отвести взгляд.

Тёмно-каштановые волосы падали на лоб, и мне так хотелось их откинуть, чтобы лучше разглядеть его кофейные глаза. Он мог бы сниматься для обложек журналов, заставляя сердца женщин по всей России трепетать. Особенно с этой

щетиной, обрамляющей щёки и подбородок.

Боже, Аделина, хватит пялиться! Я мотнула головой.

– Простите, не заметила вас.

Мои губы растянулись в улыбке, но его лицо осталось каменным.

– Я сказал, попробуйте, – повторил он. В его глазах мелькнул странный блеск.

– Эм, хорошо? – неуверенно ответила я, глядя на тёмные комки на тарелке. – А что это?

– Кровяная колбаса.

Мой желудок скрутило.

– Может, я могла бы заказать яичницу и тосты... – сказала я громче.

– Яичницу и тосты? – он закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Я вздрогнула, как заяц в свете фар. Когда он успел подойти так близко? Его присутствие будто высасывало воздух из комнаты, а в животе затрепетали бабочки. Я уловила его землистый, чистый аромат, когда он наклонился. Мой мозг начал заикаться, и я понесла чушь:

– Я люблю яичницу и тосты по утрам. Иногда овсянку или кекс. Знаете, завтрак – самый важный приём пищи. Он улучшает работу мозга. Питательные вещества утром влияют на физическую и умственную активность...

Аделина, заткнись!

– Я хотела прогуляться по усадьбе. Хотя, с такой метелью это вряд ли. На улице настоящее безумие, да? – выпалила я.

Его лицо изменилось, карие глаза резко контрастировали с бледной кожей. Он смотрел так, будто у меня выросла вторая голова.

Ох, Аделина, замолчи уже!

Он развернулся и стремительно вышел. Дверь за ним хлопнула, и я наконец смогла дышать. Какой грубиян!

– Мне тоже было приятно познакомиться! – крикнула я в пустую комнату.

Я подперла подбородок локтем и уставилась в окно. Когда дверь снова открылась, холодный воздух ударил в меня, прижав ночную рубашку к груди. Я скрестила руки, надеясь, что Михаил не заметит моего неловкого ёрзания.

– Я убавил отопление. Как прошёл завтрак?

– Честно, я бы предпочла яичницу и тосты, если можно. Тут был молодой человек, он ушёл туда... – я кивнула на боковую дверь.

Лицо Михаила побелело, улыбка исчезла.

– Что?

– Да, он пошёл туда, – я указала на дверь.

Михаил развернулся и быстро ушёл в том же направлении, не дав мне спросить, кто этот сварливый красавец.

– Ну, вот, обзавелась кучей друзей, – пробормотала я, когда желудок снова заурчал.

Глава 5

Владимир

– Похоже, мы зря волновались. Её хрупкое человеческое тело не замёрзнет этой зимой, – бросает Михаил мне в спину. – Я выключил отопление.

Кастрюли и сковородки гремят в раковине, когда я швыряю их туда, раздражённый этой сударыней, что упорно требует яичницу и тосты.

– Яйца и хлеб, Михаил. Почему у людей нынче нет вкуса?

Я оборачиваюсь и замечаю, что он выглядит так, будто попал в бую: волосы торчат во все стороны.

– В её защиту скажу, что это то, что многие едят на завтрак, – отвечает он.

– Эта сударыня послала тебя сюда?

Его глаза лезут на лоб, а я прячу ухмылку.

– Зачем ты вообще с ней говорил?

– Сегодня утром я три часа крошил ингредиенты, чтобы приготовить ей завтрак, а она отказалась его есть!

Он пожимает плечами, будто это я тут смешон.

– А чего ты ждал? Кровяная колбаса и правда выглядит неаппетитно. Поэтому я заказал блины. Вопрос: что ты с ними сделал? – он оглядывает кухонные столешницы.

Мои глаза закатываются к потолку.

– Боже, меня окружают глупцы.

– Я думал, мы договорились: я занимаюсь гостями, а ты сидишь в восточном крыле? Что с тобой? Разве у тебя нет времени на «нелепых людей»? Этого бы не было, если бы ты согласился нанять повара!

Я лишь хотел узнать, понравится ли ей моя стряпня, раз уж я потратил время на этого человека.

Я делаю шаг к полке со специями, наклоняя баночки, чтобы прочесть этикетки, но тут же ставлю их обратно.

– У нас осталась белладонна? – спрашиваю, зная, что на кухне нет этого яда.

Михаил устало вздыхает.

– Ты не будешь травить гостей, Владимир Андреевич.

– Она дерзкая, – я хмуро смотрю на сковороду, желая, чтобы её яйца превратились в камень.

– Она безобидна и не подозревает, что живёт среди хищников.

– Потому что люди глупы. У них нет инстинкта выживания и чувства самосохранения. Я не виноват, что они плодятся, как овцы, и не умеют себя вести.

Кусок хлеба выскакивает из тостера, и я выкладываю яйца на тарелку.

– Уйди с дороги.

Он скрещивает руки и морщит переносицу.

– Ты выбросил блины, да? Чёрт, Владимир Андреевич, на следующей неделе приедут другие гости. Нам срочно нужен повар.

Я приподнимаю бровь.

– И как ты это сделаешь? Дать объявление? «Усадьба ищет повара с гибким графиком. Желательно первая отрицательная группа крови, без сердечных болезней»? – я смотрю на него с сарказмом.

Ох, как он заблуждается. А его блины так и останутся в мусоре.

– Будь серьёзен, – тянет Михаил.

– Я серьёзен. Как выглядят её яйца? – спрашиваю, показывая тарелку.

Он смотрит и кивает.

– Нормально, вроде.

– Отлично. Надеюсь, она ими подавится.

Я обхожу его, пока он хихикает.

– Ты ржёшь, как гиена. Тебе заняться нечем?

– По крайней мере, я не похож на голодную гиену, – парирует он.

– К слову, я уже не похож на неё. Выпил весь твой холодильник с этими мерзкими пакетами крови. Интересно, смог бы кто-нибудь изобрести пакеты с текстурой плоти? Может, они были бы повкуснее.

Михаил, к счастью, молчит, пока я иду относить этой королеве еду. Ей бы стоило оценить мои старания, иначе я сам её отсюда выгоню.

Я поднимаю взгляд и замираю.

Она стоит, моргая, как растерянная сова, её волосы стру-

ятся льняными волнами, рот приоткрыт. Когда ночная одежда стала такой... соблазнительной? Боже. Сквозь тонкую серую ткань проступает её грудь. Мой рот наполняется слюной, клыки скрипят, ногти удлиняются. Ад уже здесь. Мне нужно, чтобы она ушла. И чтобы её грудь исчезла из виду. Немедленно.

Я сдерживаю волчий скулёж, но гнев захлёстывает меня.

– Где остальная ваша одежда, сударыня?

– Что? – она моргает, хмурится и смотрит на себя.

– Прикройте свои... розовые бутоны!

Её крошечные кулачки сжимаются – это почти мило.

– Прошу прощения?!

– Аделина! Я как раз хотел узнать, готовы ли вы к экскурсии по усадьбе, – Михаил протискивается мимо, толкнув поднос с едой по столу, и я сверлю его взглядом.

Боже, при каждом её движении её грудь колыхается. Она же понимает, как действует на мужчин, правда? Я шагаю в комнату, ставлю её яйца и тосты на стол.

– Посмотрите на себя, сударыня! – не обращая внимания на Михаила, я хватаю её, подвожу к старинному зеркалу и киваю на её резкий вздох. – Вот именно!

Она поспешно прикрывается рукой, щёки алеют. От этого вида клыки заныли.

– Хватит пялиться на мою грудь! – она моргает перед зеркалом. – Погодите... Где ваше отражение?

Я хмурюсь, когда Михаил оттаскивает её от зеркала.

– Это декоративное зеркало, знаете, для антуража. Нашли на рынке, – он натянуто хихикает.

Что за рынок, чёрт возьми?

Её глаза расширяются, она кивает, явно впечатлённая.

– Ух ты, не знала, что такие делают. Зачем вам такой ре-
визит?

– Просто задумка для открытия усадьбы, – Михаил улы-
бается, и мне хочется стереть эту улыбку кулаком. – Я хо-
тел спросить, не желаете ли экскурсию. Интернет скоро под-
ключат, но техник предупредил, что из-за удалённости мо-
гут быть перебои.

Улыбка расплывается по её пухлым губам, она взволно-
ванно хлопает в ладоши и тянется обнять его. Моя челюсть
сжимается, клыки удлиняются. Когда я снова попал под ча-
ры её груди? Я вдыхаю аромат полевых цветов, заполняю-
щий ноздри.

– Я покажу ей усадьбу, – выпаливаю я, не успев себя оста-
новить.

Тревога мелькает на её лице.

– Ох, не стоит, – отмахивается она.

– Ерунда. Михаил занят, я проведу экскурсию, – наста-
иваю я, не отрывая взгляда от её вздымающейся груди. Я
мог бы смотреть на неё часами. Днями.

Она тычет пальцем в своё лицо, глядя исподлобья.

– Знаете, мои глаза здесь!

– Я прекрасно знаю, где они.

Она скрещивает руки, разрушая своё колдовство, и я перевожу взгляд на её лицо, заинтригованный огнём в её глазах.

Её щёки алеют от ярости.

– Пойду поем в комнате. Дайте знать, когда будет интернет, Михаил.

– Держитесь подальше от восточного крыла, – предупреждаю я. Не хватало, чтобы она и её соблазнительная грудь совались туда, где не надо.

Я приподнимаю бровь, когда она закатывает глаза, хватается тарелку и уходит, задрвав нос. Мой взгляд невольно задерживается на её округлых ягодицах, едва прикрытых белыми шортиками с рюшами. Боже, я едва сдержал стон.

– Почему она так одета? – рычу я себе под нос.

Михаил качает головой.

– Ты не можешь указывать женщинам, куда прятать грудь, Владимир Андреевич. Куда они её денут? Она сказала, что в аэропорту потеряли её багаж.

– Верно, потеряли. Найди ей другую одежду.

– Уверен? – он виляет бровями. – Я наслаждался видом.

Иррациональная ревность вспыхивает во мне, маска невозмутимости трескается.

– Ты её не тронешь.

Я проглатываю слова, не понимая, почему так реагирую.

Михаил вскидывает подбородок и приподнимает бровь.

– Ты должен был держаться плана. А теперь готовишь ей

еду и вызываешься быть гидом?

– Планы меняются. Я не могу вечно сидеть в восточном крыле.

Боже, она интригует. Она очаровательна – от ярко-зелёных глаз до милых ножек в кроличьих тапочках. А как она выпалила: «Мои глаза здесь!» – настоящая разъярённая богиня.

– Владимир Донской, великий вурдалак, пал от первой же девушки, что встретил за века. Кто бы знал, что хватит пары женских грудей, – иронизирует Михаил.

Я ухмыляюсь.

– У неё и правда исключительная грудь. И теперь тебе запрещено на неё смотреть.

– Будто у меня есть время на женщин. Но, Владимир Андреевич, гостей не кусают, ясно?

Я улыбаюсь, вспоминая, как быстро она прикрылась. Как её кожа пахла, когда она злилась. Интересно, каков её аромат, когда она... возбуждена?

– Ничего не обещаю.

Странное чувство пронзает грудь – волнение? Из-за неё? Я отгоняю эту мысль. Скорее всего, она интересна лишь потому, что первый человек за два века.

– Алексей сойдёт с ума, – бормочет Михаил.

– Пусть леший занимается своими делами и не лезет в мои, – я облакачиваюсь на стол, скрестив руки.

– Он только и делает, что беспокоится, бедняга. Мы все

знаем, что никто не должен узнать, кто мы. Но если ты сможешь держать себя в руках, проблем не будет. С твоим контролем я не вижу причин для беспокойства.

– Именно. Я перестал нападать на людей за века до твоего рождения, щенок. Найди её чемодан и привези его.

Его плечи опускаются.

– Будь я проклят. Слово мои слова до тебя не доходят. Наверное, чемодан уже нашли в аэропорту.

– Просто привези его и перестань дуться, как ребёнок, которого пора отшлёпать.

Он уходит, ворча, а я смотрю в пустое зеркало и вздыхаю. Одним махом она показала, как мне не хватает женской близости. Мысль о том, как моя рука касается её ягодиц, вызывает жажду.

Господи. Прошли десятилетия.

Глава 6

Аделина

Я прокручиваю в голове слова этого ворчуна, кажется, уже в сотый раз за последние полчаса. Не могу поверить, что он посмел так говорить о женской груди! И с таким смакованием, будто наслаждался каждым словом. Чудак.

Боже, найти кухню в этой огромной усадьбе – целое приключение. Я даже не знаю, как вызвать обслуживание номеров – телефона в комнате нет. Не хочется оставлять пустую тарелку перед дверью спальни.

Кажется, усадьба не совсем готова принимать гостей. Может, Полина ошиблась с датой брони? Я заметила это в аэропорту, вылезая из того самолёта смерти. Думала, придётся умолять или притворяться дурочкой, чтобы меня не оштрафовали за неудобства. Но ничего такого не случилось. Странно, что кроме Михаила и этого господина Нервозности я не видела других сотрудников. Наверняка их больше, просто я ещё не встретила.

Я пожимаю плечами, отгоняя эти мысли, и наконец добираюсь до кухни.

Кухня необычная, но очаровательная. На одной стене – большая кирпичная печь, на другой – арочное окно и современная плита из нержавеющей стали.

Ставлю пустую тарелку на столик у кирпичной стены

и вздыхаю, раздражённая. Никогда в жизни мне так не хотелось треснуть кого-то, как этого типа, с первой же встречи.

– «Я прекрасно знаю, где они», – передразниваю я, задирая нос, как он. Какой наглец! Наглец в чертовски привлекательной оболочке.

Достаю телефон, чтобы проверить соцсети, но сигнала нет. Раздражённая, поворачиваю за угол и врезаюсь в кого-то. Грубые руки хватают меня за плечи, и всё тело будто оживает, как в жаркий июньский день.

– Ой, простите, я не смотрела, куда...

Конечно, это он – высокий, темноволосый ворчун.

– В вашем городе женщины всегда выставляют себя напоказ?

Его хриплый голос заставляет меня скрипеть зубами, но я не позволю этому типу испортить мне отпуск. Выставляют? Его глаза прикованы к моей груди, как магнитом, а я сжимаю телефон так, что пальцы белеют.

Я расправляю плечи и упираю кулаки в бёдра.

– Вы всегда так стараетесь быть грубияном? Если моя пижама вас так бесит, не смотрите!

Я не дам ему заставить меня чувствовать себя неловко, даже если он похож на греческого бога. Удовольствие наполняет меня, когда на его лице появляется растерянность. Никто не должен заставлять женщину чувствовать себя хуже, особенно когда ей и так паршиво. Я качаю головой и пытаюсь пройти, но он загораживает путь.

– Вы ошибаетесь, – говорит он.

Теперь моя очередь хмуриться. Я понятия не имею, о чём он.

– Что?

Он откашлялся.

– Меня не пижама беспокоит, если это вообще можно называть одеждой.

– Тогда перестаньте пялиться!

Он рычит, и от этого звука в животе разливается жар.

– Прикройтесь, пока мы не купим вам одежду в посёлке. Выезжаем через час, – он суёт мне одеяло, неизвестно откуда взятое.

Какого чёрта? Кем он себя возомнил?

– Нет, спасибо. И здесь всё ещё жарко.

Его карие глаза вспыхивают яростью, и я гадаю, когда его в последний раз осмеливались послушаться. Простите, господин, но я больше не принимаю приказы. Всю жизнь я угождала другим: одевалась, как велели подруги мамы из высшего общества, согласилась на свадьбу ради чужого счастья. Его властная манера вызывает мурашки, но я улыбаюсь, не сдаваясь. Впервые я буду делать что хочу, начиная с этого отпуска.

– Наденьте это.

Я ухмыляюсь.

– Нет!

Его лицо темнеет, он толкает одеяло ко мне.

– Чёрт возьми, женщина, надень!

Так, теперь он на «ты»? С меня хватит!

– Нет! Я даже имени твоего не знаю, варвар, и твоё отношение мне плевать! – я тычу в него пальцем, голос повышается. – Я в отпуске и буду носить, что хочу!

Кто-то откашлялся, и я закатываю глаза. Михаил протягивает мне спортивные штаны и толстовку, старательно глядя куда угодно, только не на меня.

– Вот, Аделина. Они великоваты, но подойдут, пока не привезём одежду из посёлка, – говорит он, бросая на Владимира прищуренный взгляд. – Или не постираем вашу.

– Спасибо, Михаил, это так мило, – я улыбаюсь. За полдня здесь я ни разу не заметила, чтобы он пялился на мою грудь, в отличие от некоторых.

– Сударыня, меня зовут Владимир Андреевич Донской. Я владелец усадьбы, и либо мы выезжаем через час, либо я зашью тебя в это проклятое одеяло, – рычит он, отталкивая Михаила и уходя.

Я стою, ошеломлённая, глядя ему вслед.

Михаил кричит:

– Владимир Андреевич, ты куда?

– К лешему, Михаил! – его слова эхом разносятся по коридору.

Я смотрю на Михаила, который ухмыляется, будто наша перепалка подпитывает его. Очевидно, они лучшие друзья, что не укладывается в голове, ведь Михаил такой милый,

а Владимир... нет.

Я киваю в сторону ушедшего Владимира.

– В чём его проблема?

– Перечислить по алфавиту или по категориям? – отвечает Михаил.

– Хм.

Он улыбается, затем смеётся.

– Не берите в голову. И, кстати, интернет скоро заработает.

– Ох, Михаил, спасибо! Я готова вас расцеловать. Вы ведь поедете с нами, да?

– Эм... – он выглядит удивлённым, но я решила, что лучше ехать с Михаилом, чем остаться наедине с господином Нервозностью.

– Нет, он не поедет. И надень уже что-нибудь! – рычит Владимир, вернувшись на кухню и указывая на одежду в моих руках.

– Серьёзно? Я никуда не поеду, пока ты не научишься себя вести. Лучше дождусь Михаила, так что веди себя прилично или пеняй на себя.

– Милая сударыня, ради моего здравомыслия, прикройся. Пожалуйста, – Владимир тяжело вздыхает, будто вежливость причиняет ему боль.

Ах, если бы он был хоть немного приятнее!

– Не моя вина, что тут жарко, – я закатываю глаза, накидываю толстовку, чтобы он не начал пускать слюни, и натя-

гиваю штаны.

Михаил улыбается, а в глазах Владимира мелькает голодный блеск, от которого по спине бегут мурашки. Его челюсть дёргается, и Михаил хихикает.

– Может, нам обсудить правила дресс-кода в усадьбе? – предлагает Михаил.

– Отлично. Я надену купленную одежду, пока не найдут мой багаж.

– Хорошо, – бурчит Владимир, скрестив руки, хмурый, как туча.

– Прекрасно, – говорит Михаил, хлопнув в ладоши.

Если этот ворчун думает, что я позволю ему так со мной обращаться, он ошибается. Телефон звонит, затем сыплются уведомления. Кажется, в основном от Полины.

– Простите, дайте минутку, – говорю я, быстро печатая.

Полина: Привет?

Я: Что случилось?

Полина: Изменник разыгрывает жертву, и это работает.

Я: Фу. У меня нет времени на это, Полина. Опять, небось, пытается меня вернуть, подлец.

– В посёлке есть интернет? – спрашиваю Михаила.

– Кажется, в паре кафе есть...

– Отлично, идёмте.

Я разворачиваюсь и иду к вестибюлю, молясь, чтобы всё, что натворил Марк, можно было исправить. Куда бы я ни поехала, от негодяев не скрыться.

Глава 7

Владимир

Она – загадка. Её огонь и дух не похожи ни на что, что я знал, и я ловлю себя на том, что не знаю, как с ней говорить. Я, древний вурдалак, понятия не имею, как общаться с таким созданием. Её эмоции отражаются на лице, и мне вдруг хочется наблюдать за ними. Часами. Днями.

Я вздрагиваю от этой мысли, плечи напрягаются. Это нелогично. Желание рождается где-то глубже разума, в примитивных инстинктах. Красный туман жажды кричит, чтобы я завладел ею.

Поездка в посёлок проходит в тишине, но её тихие возгласы, когда что-то за окном привлекает её внимание, застают меня врасплох. Хочется спросить, о чём она думает. Но вот она достаёт своё мобильное устройство, чтобы сделать снимок.

С тех пор как Михаил нанял строителей, усадьба превратилась в проходной двор. Их запахи заставляли мой желудок сворачиваться. Наблюдая за людьми издали, я решил, что они – отвратительные существа, лишённые интеллекта, с радостью тратящие время на технологии, будто это их бог.

Но она... Она не отвратительна. И всё же за последний час она смотрела в телефон раз десять. Наблюдая за её восторгом, я задумался, что заставляет людей всех сословий так

заворожённо пялиться в эти штуки.

Михаил годами твердил, что мне стоит дать технологиям шанс – времена изменились, надо быть в курсе событий. Возможно, он прав. Солнцезащитный состав на моей коже позволяет жить среди людей... терпимо.

Я по ошибке делаю глубокий вдох, и запах Михаила, смешанный с её нежным ароматом полевых цветов, заставляет меня сжать руль.

Ненавижу этот собачий дух, вплетённый в её сладкий запах. Хочется искупать её в горячей воде, пока не смою все следы Михаила. И вот я представляю её в ванне. Обнажённую. Чёрт возьми... Не стоит направлять свежую кровь на юг.

– Красивая машина, – говорит она, касаясь полированной деревянного салона.

– Мне тоже нравится. Давно на ней не ездил.

Она хмурится.

– Это ведь Делайе, да? Похожа на ту, что была у императорской семьи. Если бы у меня была такая, я бы ездила каждый день. Почему ты так редко её берёшь?

Как ответить? Что я полумёртв уже два века? Это была одна из выходок Михаила в 1900-х, чтобы заставить меня питаться.

Я откашлялся.

– Очевидно, не хотелось.

Она фыркает, воплощение обиженной женщины.

– Очевидно, я тебе не нравлюсь. Поверь, чувство взаимно. Я не просила тебя меня возить и уж точно не хотела, чтобы аэропорт потерял мой багаж!

Гнев льётся из неё волнами. Я останавливаю машину и выключаю двигатель. Кровь бурлит в венах. Я медлю секунду, затем отстёгиваю ремень и тянусь к ней. Она напрягается.

Я отдёргиваю руку и кладу её на спинку сиденья.

– Кто сказал, что ты мне не нравишься?

Она скрещивает руки и отворачивается.

– Я бы зашил тебя в мешковину, если бы это удержало меня от желания тебя сожрать, – мой голос звучит резче, чем я хотел. Не уверен, правда ли это или я просто дразню её.

Её зелёные глаза расширяются в отражении окна, затем она поворачивается ко мне.

– Прошу прощения?

– Твоя пижама, как ты её называешь, почти ничего не скрывает, – говорю я, и её прерывистое дыхание звучит как музыка. – Мне хочется уложить тебя на кровать и наесться досыта.

Она задыхается. Мои пальцы впиваются в руль, чтобы не коснуться её. Не знаю, почему она вызывает такую бурю, но я хочу, чтобы она оделась прилично, пока я не разберусь. Мне стоит держаться от неё подальше, не дразнить себя её кровью.

– Если не хочешь, чтобы я сорвал с тебя одежду и показал, почему тебе стоит прикрываться передо мной, выходи

из машины. Пойдём за покупками.

Её дыхание сбивается. Я жду. Запах её возбуждения – чистый ад, исходящий волнами. Но это неважно. Моя тяга к ней – лишь от долгого одиночества. Позже я найду другую, менее... хлопотную.

Она медлит, затем отстёгивает ремень дрожащими пальцами. Я ухмыляюсь, выхожу и открываю ей дверь, подавляя рычание. Солнцезащитный спрей, защищающий вурдалаков, спасает мою кожу от ожогов – спасибо Петру за изобретение. Я помогаю ей выйти, восхищаясь её самообладанием. Если бы она осталась в машине, не уверен, что удержался бы от укуса прямо здесь, на виду у всех.

– Давай найдём тебе нормальную одежду, договорились?

Глава 8

Аделина

Он правда это сказал?!

Мне стоит держать себя в руках. Обычно я легко плыву по течению, не пытаюсь всё контролировать. Но согласиться, чтобы незнакомец вёз меня за одеждой? Это уже слишком.

Почему это меня так заводит? Чёрт, мне хочется сорвать с него одежду, хотя я знаю его всего день. Это тревожно. История с Марком явно свела меня с ума!

Соберись, Аделина. Он велел тебе прикрыть грудь. Кто так делает? И только что сказал, что хочет тебя сожрать! Я качаю головой, идя за ним по улице, переживая, что мои тапочки-кролики делают меня похожей на сбежавшую из психушки.

– Добро пожаловать. Чем можем помочь? – высокая брюнетка смотрит на Владимира, будто он изобрёл молодость, но он даже не глядит на неё – он смотрит на меня.

Он машет рукой.

– Да. Моей... подруге нужна одежда. Её багаж потеряли в аэропорту.

Я улыбаюсь, благодарная, что он объяснил, почему я так одета. Он приподнимает бровь.

Брюнетка щёлкает пальцами. По мрамору раздаётся цокот каблуков, словно в фильме про дикую природу. Из ниоткуда

появляются другие девушки, чуть ли не кланяясь Владимиру. На нём простые джинсы и чёрная рубашка в клетку, но, судя по их взглядам, им плевать на его одежду – они пускают слюни.

Ты здесь не за этим, Аделина. Я достаю телефон, чтобы отвлечься от толпы жаждущих девиц, и стону. Чёрт, придётся искать нового оператора, когда вернусь. Делаю пару снимков для соцсетей, замечая, что стиль одежды похож на бутики в Крыму.

Фальшивый смех заставляет меня закатить глаза. Я иду к задней части магазина, чувствуя, как раздражение сжимает желудок. Не то чтобы я претендовала на этого грубияна. Если он заинтересован, пусть забирают. Он ворчлив и противен.

– Убери руку, – рычит он. Боже! – Вы ошибаетесь, сударыня, – его голос холодно разносится по залу. – Я здесь не за покупками. Покупать будет она.

Я прижимаю ладонь ко рту, глядя, как женщина отступает. Владимир поворачивается и смотрит прямо на меня.

Он разводит руками и идёт ко мне. Сердце подпрыгивает. Я хватаю первое попавшееся чёрное платье и бегу в примерочную.

Конечно, она заперта.

Владимир щёлкает пальцами, привлекая внимание брюнетки, и хмуро жестом велит открыть дверь.

– Эй, нельзя щёлкать на людей! – качаю головой. – Что

с тобой не так?

– Их работа – обслуживать клиентов. Ты, моя дорогая, клиент, – он поворачивается к брюнетке, которая явно хочет провалиться сквозь землю. Я её не виню.

– Не можешь ли ты вести себя как человек хоть пару часов? Знаю, это трудно, но это всего лишь примерочная. Успокойся, – шиплю я.

Он открывает рот, но я прижимаю палец к его губам, заставляя замолчать. Девушки не были грубы. Может, чуть навязчивы, но посмотри на него! Я тоже хотела с ним поболтать – пока он не заговорил.

Я улыбаюсь брюнетке, игнорируя его.

– Здравствуйте, хочу примерить это.

– Конечно, – она отвечает с облегчённой улыбкой. – Простите, мы недавно открылись.

Я улыбаюсь шире и захожу в примерочную, не упуская из виду пылающий взгляд Владимира. Заперев дверь, я смотрю на платье и вздрагиваю. Ох, оно крошечное.

Сняв одежду, понимаю, что это мне не налезет. Ткань облегает, а V-образный вырез будто до пупка.

– Ты в порядке? – спрашивает Владимир. – Сколько можно надевать платье?

– Эм, нужен размер побольше.

– Оно по фигуре. Примерь, и пойдём дальше, – кричит женский голос.

Пять минут я пытаюсь втиснуться в платье. Затем смотрю

в зеркало и стону.

– Я похожа на Эльвиру. Грудь вываливается, а разрез на бедре слишком откровенный.

– На кого? – растерянно спрашивает Владимир.

Ладно, справедливо. Не все знают Эльвиру. Я смотрела её только с Полиной и бабушкой – это её любимый сериал. Но моя грудь в этом платье – просто безумие, хотя выгляжу я сексуально.

– Это не подойдёт. Есть брюки?

Женщина кричит, что принесёт пару, а Владимир бормочет что-то на языке, похожем на русский, но странном. Затем:

– Выходи, Аделина.

Он серьёзно?

– Ни за что.

Громкий стук в дверь заставляет меня взвизгнуть.

– Аделина, – его голос звучит греховно, мурашки бегут по спине. – Выходи, или я войду.

Боже. Если он снова будет ныть про мою грудь, я ему лицо расцарапаю.

– Ладно.

Медленно отпираю дверь и выхожу, чувствуя, как кожа горит. Встречаюсь с ним взглядом, упираю руки в бёдра и позирую. Его глаза темнеют, кулаки сжимаются.

– Ну, что думаешь? – я хватаю телефон и тычу ему в грудь. – Сфотографируй.

Он ошарашенно смотрит на телефон.

– Нет.

Я читаю бейдж брюнетки и даю ей телефон.

– Елизавета, сфотографируйте, пожалуйста.

Она кивает, я улыбаюсь.

– Думаю, нужен размер побольше, – язвит рыжеволосая.

Моя улыбка гаснет. Её тон – язвительный и снисходительный. Вспыхивает камера, Елизавета возвращает телефон, глядя на рыжую, которая пожимает плечами и уходит.

– Простите, она новенькая.

Унижение захлестывает меня. Владимир, молчавший всё это время, смотрит на меня, стиснув челюсти, и я замираю.

– Аделина, иди переоденься, – он поворачивается к Елизавете. – Мы берём платье. Можете подобрать её размер?

Елизавета кивает.

Он щёлкает на меня пальцами.

– Я не велел переодеться?

Мой желудок сжимается от его тона, я стискиваю зубы. Хочу купить одежду, найти интернет и уйти. Но его взгляд смягчается.

– Платье на тебе потрясающее.

Не ведись, Аделина. Он щёлкал на тебя, как на собаку.

– Compliments не дают права быть невоспитанным.

Его брови взлетают, глаза будто заглядывают в душу.

– Принесите всё её размера на неделю.

Елизавета убегает, а я стою, поражённая его властностью.

– Ты не можешь купить мне одежду. Я сама могу...

– Тише, Аделина. Ты гость в моём доме, и я не позволю тебе ходить в мужских штанах. Раз не знаешь, что надеть, я выберу. Начиная с этого.

Он указывает на платье и многозначительно смотрит на девушек, что пытаются улизнуть.

– Ты серьёзно? Дежавю. В прошлый раз ты велел спрятать мою грудь.

При слове «грудь» он ухмыляется.

– Думаю, я мог бы к ней привыкнуть.

– К груди?

Он кивает, его взгляд скользит к моим бёдрам.

– И не только. Иди одевайся. Или нужна помощь?

– Ещё чего!

Я оглядываюсь на девушек, что подслушивают, притворяясь занятыми. Не обманете, дамы.

Его рука касается моей, и дрожь пробегает по спине. Святые сигналы!

– Почему ты выбрала это платье? – его пальцы скользят в воздухе у моего декольте, почти не касаясь.

Боже. Я готова растаять, как ведьма из Оз, но моргаю – а он уже на другом конце комнаты. Что за...?! Хочу крикнуть что-то неуместное – «вернись и поцелуй» или «какой ты грубиян», – но сдерживаюсь.

Он негодяй, и после Марка я с такими покончила. Пыхтя, захлопываю дверь примерочной и вылезаю из тесного пла-

тья.

Через пять минут я в штанах Михаила и тапочках-кроликах, чувствуя себя лучше. Хочу вернуться в комнату и сбежать от Владимира. Ускоряю шаг, пробираясь мимо вешалок.

– Я разберусь с этим оскорблением и приношу извинения за неудобства, – звучит сердитый голос из громкой связи у стойки.

– Разберись, – холодно отвечает Владимир, опираясь на стойку и говоря в телефон.

Он смотрит, как я подхожу, и моё сердце бьётся быстрее. Боже, это преступно, как он красив. Его брови выгибаются, желудок сжимается. Что со мной?

Продавщицы выносят пакеты с одеждой, бросая на него лукавые взгляды. Они явно гадают, что я делаю с ним. Честно, я сама не знаю.

– Сколько твоих? – спрашиваю, нервно потирая руки.

Он смотрит, будто у меня третья рука выросла.

– Ничего моего.

– Это слишком. Я насчитала пятнадцать пакетов! – качаю головой. – Владимир, я здесь на неделю. Мне столько не надо!

– Надо, – отрезает он.

– Не надо, я знаю.

– Аделина, ты заберёшь всё.

Я хватаю сумку и вытаскиваю чёрные стринги.

– Это нам нужно? – сзади хихикают.

Он смотрит на ниточку, затем на меня, раздевая взглядом. Я жду, что он скажет что-то возмутительное, но он откашлялся и подхватывает все пакеты, будто они невесомые.

– Предлагаю вернуться в усадьбу, если не хочешь устраивать показ мод здесь, выбирая, что нужно, а что нет, – он снова смотрит на стринги.

– Это не... мы не... – я оглядываюсь. Девушки явно в шоке от намёков Владимира.

Чёрт возьми.

– Никакого показа, – говорю я, напоминая себе, что он негодяй. Просто красивый.

– Тогда прими одежду.

Он смотрит, будто подначивает устроить сцену.

– Ладно.

– Отлично. Пойдём, – он поворачивается к девушкам. Рыжая исчезла – к лучшему. – Дамы, было приятно.

– Спасибо, – говорю я, ведь девушки были добры.

– После тебя, моя дорогая, – он говорит, как джентльмен, и я улыбаюсь.

– Большое спасибо, – повторяю я. Их день станет лучше, когда господин Нервозность уйдёт.

Я чуть не забыла, зачем приехала!

– Где тут интернет? – достаю телефон.

Глава 9

Владимир

– Что ты смотришь в эту адскую штуковину? – хмурюсь я, когда её брови в десятый раз сходятся. Мы уже часами сидим в машине перед кафе с интернетом, и я наблюдаю, как эмоции сменяются на её выразительном лице.

Она не поднимает глаз, бормоча:

– Что?

Люди и их одержимость технологиями заставляют меня скрипеть зубами, особенно когда они крадут её внимание.

Она продолжает пялиться в телефон, будто я ничего не сказал, и с каждой секундой раздражение сжигает меня. Что в ней такого, что так меня захватило?

– Есть причина, почему мы торчим перед этой унылой кофейней, пока ты уткнулась в телефон?

Её светлые брови хмурятся, пальцы летают по экрану.

– Аделина?

Я тяжело вздыхаю, стуча пальцами по рулю, всё больше злясь. Вырываю телефон из её рук, пытаюсь понять, что там такого интересного.

– Эй, верни! – она тянется к нему, но я отталкиваю её руку, поглощённый увиденным.

Это она, но другая – не та девушка, что появилась в усадьбе. Фотографии, десятки фотографий: в разных наря-

дах, с макияжем, в разных позах. На пляже, улыбающаяся, непринуждённая.

– Что это? – я застываю, глядя на экран.

– Ты не знаешь, что такое соцсети?

Я игнорирую её. Мои пальцы скользят по экрану, открывая ряды снимков, где запечатлены её невинность и огонь. Натыкаюсь на фото с мужчиной – её лицо близко к его, глаза сияют.

Ревность ударяет в голову. Я возвращаю телефон и завожу машину.

– Владимир, мне нужно ещё минут пять.

– Нет. Интернет в усадьбе скоро заработает, и я не собираюсь ждать, пока ты возишься со своими сообщениями, – мой тон резкий, даже для меня, но я не буду сидеть тут, пока она тоскует по какому-то ничтожеству.

– Это соцсети. И да, ты прав, – она вздыхает, откидывая голову на сиденье, пока мы едем обратно.

– Что-то не так? – спрашиваю я.

– Можно сказать и так. Пройдёт.

Мы молчим, и я смотрю на неё. Грудь сжимается при виде её печального лица. Где та вспыльчивая женщина, что отчитала меня в бутике? Её отсутствие тревожит.

– Кто этот мужчина?

Её губы поджимаются, глаза шуртятся.

– Какой мужчина?

Я вдыхаю, скрывая раздражение.

– На твоих фотографиях.

Её нос морщится от отвращения.

– Никто, о ком стоит говорить.

Она отворачивается к окну, и я вижу печаль в её отражении. Рано или поздно она расскажет. Моё любопытство не потерпит меньшего.

– Кроме ужасного гардероба, чем ты занимаешься?

– Боже, ты говоришь, как старик! – она упирается локтем в подоконник, дуясь. – Я блогер... или пытаюсь им стать.

– Блогер? Как это – влиять на соцсети? Разве не для этого журналисты? – чёрт, мы впустили репортера в усадьбу?

– Ну, знаешь, как «ВКонтакте»?

– Понятно, – я не имею понятия, что это.

Тишина между нами гудит, и мне хочется её заполнить.

Я опускаю голову, ведя машину.

– Любишь музыку?

Она смотрит с любопытством и кивает.

– Конечно. Кто не любит?

Я включаю радио – впервые в этой машине, ведь я предпочитал играть на рояле. Из динамиков звучит песня на русском, и лицо Аделины озаряется.

– Обожаю «Кино»! – восклицает она, тихо подпевая Цюю, и я ухмыляюсь про себя. Она краснеет, хихикая.

Её смех вызывает тепло во мне. Кто она такая? Хочу узнать о ней всё. Она напевает, пока мы проезжаем под аркой ворот усадьбы.

– Ой, стой! – она тычет в лобовое стекло. – Останови здесь.

Я хмурюсь, но останавливаюсь. Она выскакивает, нацелив телефон на кирпичный мост.

Я ворчу себе под нос:

– Проклятые люди.

Выйдя из машины, нахожу её у моста. Телефон в воздухе, вспышка мигает быстрее, чем я успеваю среагировать.

– Что ты делаешь?

Её щёки алеют, снег посыпает её белыми крапинками. Она разворачивается, открыв рот, ловя снежинки, как ребёнок.

– Фотографирую. А что ещё?

Я смотрю на замёрзшее озеро, где солнце отражается от льда, как в зеркале. Красиво, но её улыбка, ветер в её волосах – это захватывает дух.

Хватит!

– Возвращайся в машину, пока не простудилась.

Она смеётся, затем дуется, как озорной мальчишка. Я иду открыть дверцу, но слышу шлепок по затылку. Снег осыпает плечи. Мои ноги несут меня к ней быстрее, чем мозг успевает осознать.

– Больше так не делай, – говорю я, не зная, как реагировать.

– Не знаю, Владимир. Тебе нужно остыть, – она широко улыбается, наклоняясь за новым комом снега.

Она хохочет, убегая со снежком. Поворачивается, бросает – попадает в грудь.

– Предупреждаю, – говорю я, но она хихикает, тянясь за снегом. – Аделина, не надо.

Она посылает воздушный поцелуй. Я шагаю к ней, она отпрыгивает, смеясь. Снег падает из её рук, и мои губы дёргаются.

Невероятно. От другого это означало бы смерть, но от неё... восхитительно. Что с этой девушкой?

– Поиграешь или струсешь? – её щёки розовеют от ветра, зелёные глаза горят.

Поиграть. Хорошая идея.

Моё молчание она принимает за согласие и бросает снежок, промахиваясь.

Ошибка. В следующий миг она в моих объятиях, её сладкий аромат заполняет ноздри. Она взвизгивает, но её тело теплеет. Лёгкий запах возбуждения опьяняет. Она восхитительна. Мои руки дрожат от жажды. Она задыхается, и я прижимаюсь к её губам.

Её пальцы тянут мою рубашку. Язык сплетается с моим, я наклоняю её голову, углубляя поцелуй. Её вкус невероятен.

Я напоминаю себе, что она человек, гостья, но её стоны сводят с ума. Я теряю контроль, отступаю, стиснув челюсти, видя, как она тянется за мной. Сердце колотится, она дрожит. Её потребность осязаема. Я засовываю руки в карманы, чтобы не схватить её снова. Что я творю? В снегу, не мень-

ше?

Я облизываю губы, пробуя её вкус. Не хочу, чтобы она заболела или чтобы я набросился на неё, как зверь. Люди хрупки.

Она моргает, будто очнувшись, и ухмыляется. Румянец заливаёт щёки, я хмурюсь.

– Не возражаешь, если я тебя сфотографирую?

Я ждал, что она отругает меня за поцелуй, а она просит фото.

– Возражаю.

Её улыбка гаснет.

– Почему?

Мой рот кривится. Я скорее сражусь с армией, чем позволю себя сфотографировать.

– Пожалуйста? – она дуется, и я понимаю, что не могу отказать. Её грусть заставляет хотеть прижать её к груди. Что она со мной делает?

Солнцезащитный спрей Лешего жжёт кожу, проникая под плоть, как огонь. С каждым ударом её сердца я чувствую её кровь, но её волнуют только фото.

– Ладно, – бурчу я. Камеры больше не из серебра, вреда нет. Может, это отвлечёт её от зеркал усадьбы. Чёрт.

Я стою, скрестив руки, скучая, пока вспышка мигает, желая утащить её в машину, пока не укусил.

– Хватит, – хватаю её за руку и веду к машине, пока она смотрит в телефон.

– Боже, снимки шикарные! Спасибо за сегодня!

Её улыбка заразительна, и я не сдерживаю ответной.

– Пошли, – требую я. – Твои руки ледяные.

Она сама прижимается ко мне, и я вдыхаю цветочный аромат её волос. Мышцы замирают, когда она обнимает меня, прижавшись щекой к груди. Тепло разливается по телу. Я не помню, когда меня обнимали – годы, десятилетия?

Она берёт меня за руку, пока я усаживаю её в машину, затем бегу к водительскому сиденью.

– Твои руки тоже холодные. Где твоё пальто?

Я смотрю в её глаза, пытаюсь заставить её замолчать контролем разума.

– Молчи, женщина.

Вурдалаки веками соблазняли смертных, стирая им память. Это защищало нас от их паники. Я не собираюсь объяснять, почему моя температура всегда низкая или почему моё сердце не бьётся с юности.

Она хмурится, застёгивая ремень.

– Молчи, женщина? Боже, ты можешь быть ещё властнее? Серьёзно, Владимир, хватит вести себя как пещерный человек!

Я моргаю, ошеломлённый. Контроль разума никогда не подводил. Даже в том бутике женщины подчинялись мгновенно. А она болтает, будто я ничего не сказал.

Её аромат, усиливающийся с гневом, заставляет клыки ныть. Ни одна женщина не смела так со мной говорить. Крот-

кие, послушные не вызывают ни искры, ни огня.

А эта кошечка – другое дело. Её лицо пылает яростью, пока она распекает моё «отношение». Я жду, пока она выговорится, но её запах – как осенний виноградник – слишком хорош. Хочу выпить её, как вино. Жажда подтачивает решимость. Почему я так её хочу?

– Это не каменный век, Владимир, и мне плевать, кто ты и как красив. Ты не смеешь так со мной говорить, – она разводит руками, махая мне. – И как ты не мёрзнешь?

– Перестань говорить, Аделина.

Я бросаюсь к ней, прижимаюсь к её губам и теряюсь в их вкусе.

Глава 10

Аделина

Его губы касаются моих, и я выдыхаю: «Будь ты проклят». Боже, он умеет целоваться. Я целую в ответ, его рот сладкий и грубый. Мысли превращаются в кашу. Он отстраняется, рычит, и от этого звука дрожь бежит по бёдрам. Он целует снова, и я невольно стоною. Желудок сжимается.

Господи. Я задыхаюсь, он кусает мою губу, затем прижимается лбом к моему.

– Помолчи хотя бы пять секунд.

Я моргаю, глядя на свои пальцы, что сжимают его рубашку без моего ведома.

Часть меня хочет бросить ему вызов, но что-то подсказывает: если он справится, я захочу большего. Я тру руки о бёдра, и его взгляд падает на мои колени. Чёрт. Я замираю, кусаю губу, но он отстраняется, заводит машину, глядя на мои бёдра, как я на пирожные.

– Скажу Михаилу, чтобы ужин был в семь. Устроит? Устроит? Он говорит, будто мне трудно угодить.

Я хмурюсь, слыша резкий тон.

– Эм, да, устроит.

– Смотри, чтобы была одета прилично, – отрезает он.

Обида и растерянность захлёстывают меня. Я откидываюсь на сиденье, ошеломлённая его горячо-холодным поведе-

нием. Что с этим парнем?

– Ух ты. Не беспокойся об ужине, Владимир. Эта игра взад-вперёд уже надоела.

Он молчит, и я прижимаюсь к окну, стараясь забыть о его существовании.

Как только машина останавливается, я выскакиваю и бегу внутрь. Мне нужен бокал вина и пенная ванна – бабушкин рецепт от всех бед, а угрюмое лицо этого парня точно беда.

Михаил улыбается, но его улыбка гаснет, когда он видит моё лицо.

– Что случилось, Аделина? Всё в порядке?

– Владимир – настоящий негодяй, вот что, – я смотрю на Михаила с лёгкой улыбкой. – Кто так целует, а потом такое говорит?!

Владимир за мной рычит, но я его игнорирую.

– Интернет работает?

Михаил хмуро смотрит на Владимира.

– Да. Пароль – «пароль».

Как оригинально. Я иду к лестнице, улыбаясь ему.

– Спасибо, Михаил.

Поднявшись в комнату, хлопаю дверью. Боже, как я зла. Никто не смеет быть таким красивым и таким мерзавцем.

Ввожу пароль Wi-Fi и пишу Полине. Мне нужна её поддержка.

Я: Привет, была в магазине. Катастрофа.

Полина: Рассказывай...

Я: Багаж не нашли. И вот. загружаю фото Владимира

Полина: Привет, красавчик!

Я: Это Владимир. Владелец усадьбы, негодяй.

Полина: Одинок?

Я: Я тоже почти одинока. Полина, ты читаешь, что я пишу?

Полина: Какая разница, негодяй он или нет? Посмотри на него! Высокий, как тот парень из сериала про Люцифера.

Я фыркаю. Царь тьмы.

Я: Знаю! Он горячий.

Полина: Горячий? Аделина, он – Адонис во плоти. Бери быка за рога, пока не поздно. Попрошу отследить твой багаж.

Я: Боже, Полина.

Полина: Серьёзно, он прекрасен.

Я: Он поцеловал меня... после того, как велел спрятать мою грудь. Кто так делает?

Полина: Ржу. Мужчины теряют голову при виде груди. Поищи в интернете.

Я: Он посылает смешанные сигналы.

Полина: Никогда не видела мужчину, который не любил бы грудь. Он слишком протестует. Похоже, сварливый тип.

Я: Негодяй.

Полина: Все они такие.

Я иду в ванную, на ходу стягивая одежду. Если он не изменит поведение, придётся избегать его всю неделю.

Телефон вибрирует. Хватаю его с кровати, и тревога зашкаливает, когда вижу экран. Фото от Марка: он на пляже, с надписью «прости» из ракушек и дурацкой гримасой. Комментарии взрываются сердечками и поцелуями от женщин со всего мира.

– Фу, – вздыхаю я. Типично для Марка: облажается, делает что-то «милое» и ждёт прощения. Больше не поведусь.

Я ухмыляюсь в камеру, делая селфи с готической кроватью и эркером на фоне. Фото кричит: «Я не в городе».

«Что бы такого

Сделать плохого?

Ох, как я зол!

Ух, как я зол!» – напеваю пиратскую песню, добавляя хэштеги: #усадыба #снежныйгород #путешествие.

Публикую. Получи, Марк.

Впервые я в отпуске одна, и встречаю самого сварливого и горячего мужчину. Просматриваю фото Владимира, включая те, что сделала тайком. Даже на снимках он выглядит голодным, чувственным.

Кладу телефон у ванны и раздеваюсь, предвкушая горячую воду. Погружаюсь – и визжу. Вода ледяная. За что мне это?!

Глава 11

Владимир

– Михаил! Зайди сюда!

Я расхаживаю по бордовому ковру своей комнаты, пытаюсь обуздать тело. Жажда поглотить её вибрирует под кожей, сводя с ума. Меня, вурдалака, не унижит какая-то смертная. Я старше её на несколько жизней, но не помню, чтобы кого-то желал сильнее. Её тело отнюдь не младенческое.

Шаги Михаила спешат по коридору, его слова опережают появление.

– Что, чёрт возьми, ты сказал, чтобы разозлить гостью?

Его тон хлещет, как кнут, полный насмешки.

– Неважно. Достал, что я просил?

Мой взгляд встречает его, и от ехидной искры в его глазах волосы на затылке встают дыбом. Я отворачиваюсь к камину. Эта часть усадьбы не ремонтировалась, кроме ванной, и обычно знакомый уют комнаты успокаивает. Сегодня я хочу разнести стены – её запах преследует меня повсюду.

Михаил громко вздыхает, бросая мне что-то. Я ловлю предмет и касаюсь экрана. Удивительная штука.

– Твой новый телефон. Может, теперь перестанешь орать на всю усадьбу и напишешь сообщение. Значок сигнала – интернет. С остальным разберёшься.

Я кладу телефон в карман, чтобы изучить позже.

– Зачем писать, если у тебя сверхслух? Пустая трата времени.

– Не знаю, Владимир Андреевич, элементарная вежливость? И это не телеграмма, а сообщение. Боже, нет времени на твою ерунду. Вот её багаж, – тяжёлый розовый чемодан приземляется на стол.

Михаил вопросительно выгибает бровь, но я игнорирую его, хмурясь и роясь в её вещах.

– Спасибо, что забрал из аэропорта, Михаил, – передразнивает он, как капризный ребёнок. – О, не за что, Владимир Андреевич, – он закатывает глаза. – Мог бы поблагодарить, когда кто-то ради тебя нарушает законы, варвар.

Он дуется, скрестив руки.

– Зачем благодарить?

Её одежда почти ничего не прикрывает. Я держу чёрную верёвочку.

– Что это?

– Бикини. Не уверен, зачем ей это в Подмоскowie зимой.

Странно. Зачем брать такие... откровенные вещи?

– Как изменились нравы!

Михаил кивает, потирая подбородок.

– Знаю. Увлекательно, правда? Я общался с людьми, а не отлёживался, как некоторые. Большинство из нас адаптировались, включая Алексея. Сомневаюсь, что Аделине понравится, что ты копаешься в её вещах.

Мои ноздри раздуваются.

– Если скажешь ей хоть слово, придумаю, как тебя убить.

Ни слова.

Лёгкий ягодный аромат исходит от её одежды, когда я захопываю чемодан. Я жалок.

Кстати, о Лешем...

– Одна из продавщиц Алексея нагрубила нашей гостье. Это плохо для его бизнеса. Проверь, чтобы он уволил её немедленно – не хочу, чтобы он размяк к старости.

Михаил садится напротив, выгибает бровь.

– Теперь мы указываем Алексею, как вести его империю, и требуем уволить сотрудницу из-за Аделины?

– Именно. Я звонил ему из магазина. И скажи, что его солнцезащитный спрей воняет, – ворчу я.

– Почему бы не написать ему на новом телефоне? – подначивает он.

Я касаюсь экрана.

– Что, чёрт, такое «Артезан»?

– Дай, скачаю приложение. Это маркетплейс, где люди продают вещи. Забавно, что я десятилетиями уговаривал тебя идти в ногу со временем, а хватило одной женщины, чтобы ты согласился.

Я ёрзаю на стуле, передавая телефон. Он прав, но я не признаю этого. Мне любопытно, но больше – я хочу видеть мир её глазами.

– Сделай, чтобы работал «ВКонтакте» или как там это называется.

Михаил замирает, глядя с тревогой, подняв брови.

– Не знаю, во что ты играешь с Аделиной, но она не должна знать, кто мы. Никто из гостей не должен. Чем больше ты с ней общаешься, тем сложнее. Мы веками жили среди людей, пока ты запирался в усадьбе, избегая их. Прошёл день, а ты уже расстроил единственную гостью.

Я обхватываю голову руками.

– Она везде фотографировала.

– Она блогер, влиятельное лицо в соцсетях. Я проверил её профиль. Всё под контролем.

Мой лоб бьётся о стол.

– Моё принуждение на неё не действует.

– Не действует? – он мычит, поглаживая бороду. – Может, ты мало ешь?

Хм, идея.

– Точно, надо больше есть, – удивляю его.

Я смотрю на её багаж. Ревность пронзает при мысли, что она наденет эту одежду для другого.

– Всё, приложения установлены, аккаунты на «Артезан» и «ВКонтакте» созданы. Добавлен «Ютуб». Если вопросы, звони Алексею. Он будет рад ввести тебя в соцсети.

Я качаю головой на его намёки про Лешего. Он не одобрил бы, что я гоняюсь за смертной, как влюблённый глупец.

– Отвали, – машу рукой, но останавливаюсь. – Ужин в семь.

Он встаёт, идёт к двери.

– Принесу новый спрей и поговорю с Алексеем, чтобы не было драмы. Аделина придёт?

– Не знаю, – хмурюсь, глядя на её багаж.

Он смотрит на чемодан, затем на меня, выгибает бровь.

– Может, попробуешь быть повежливее?

Когда он уходит, я сажусь, намереваясь узнать о ней больше. «Не будь придурком» – вот что он хотел сказать.

Замечаю пакеты с кровью, что Марфа оставила на льду, и вздыхаю. Прокалываю пакет с первой отрицательной, морщусь.

– Почему на неё не действует принуждение?

Такого не было, и мысли порождают новые вопросы. Почему, если люди мне безразличны, я хочу знать о ней всё? Почему она, не глядя, заставляет моё тело реагировать?

Она – сирена.

Ей надо уехать.

– Как сложно противостоять одному человеку? – ворчу я.

Совет Михаила держаться подальше злит. Её запах в комнатах и коридорах преследует, гонит в библиотеку. Я вдыхаю, радуясь, что здесь он заглушён пергаментом и книгами. Что она со мной сделала? Камин потрескивает, я смотрю на снег за арочным окном, думая о хрупкой, дерзкой смертной.

Никогда не позволю себе угаснуть, если один человек так мной управляет. Два века я не знал женской плоти, и, возможно, Михаил прав.

Проще не поддаваться её чарам, найти другую, чтобы утолить похоть, пока эта не уедет в свой солнечный ад. Моя воля рушится, как пустые пакеты с кровью у ног. Её запах по всей усадьбе подливает масла в огонь моего настроения.

Я листаю сотни фото Аделины с другим мужчиной в «ВКонтакте», позволяя любопытству взять верх. На последнем снимке спина выпрямляется, из груди рвётся рычание. Она в его объятиях, смеётся, улыбается. Дьявол!

Этот жалкий смертный просит прощения ракушками? Публично – верх незрелости.

У шута надуты губы, как у ребёнка, и женщины этой эпохи не видят, что в нём нет мужественности. Позор, что Аделина связалась с таким. Этого хотят современные женщины?

То, что она простила его за инфантильный жест, бесит. Я кладу телефон, чтобы не сломать. Ревность сменяется замешательством. Почему меня это волнует? Она – лишь смертная, нарушающая покой. Я должен противостоять ей.

Леший клянётся, что пакетов с кровью хватит, но как тогда она вызывает такую реакцию?

Я иду к пианино, окутанному тьмой, сажусь и выплёскиваю разочарование на клавиши. Я не играл десятилетиями, но эту пьесу могу исполнить вслепую. Ноты – бальзам для нужды и желания в груди.

Шаги в коридоре. Я стискиваю зубы, сдерживая рычание. Её запах усиливается. Все попытки избежать её рушатся.

– Чёрт побери.

Я собираю пустые пакеты с кровью и бросаю в огонь, проклиная запах горящего пластика. Эта женщина – моя погибель...

Вспышка света ослепляет, она вскрикивает, размахивая руками, как испуганное животное. Телефон падает, скользит по полу.

– Привет, Аделина.

Она прижимает руку к груди, шок на лице.

– Боже, ты напугал меня до чёртиков.

Свет камина окутывает её мягким сиянием. Она в новой одежде – той, что я купил. Удовлетворение греет грудь.

Чёрные легинсы – как вторая кожа. Белая блузка с вырезом открывает декольте, чёрный кружевной бюстгальтер виден под тканью. Я сглатываю стон, слюна выделяется от жажды её вкуса. Её сердце гремит в ушах. Я неловко поднимаю её телефон, кладу на стол.

– Услышала музыку из комнаты и пришла проверить, – её брови хмурятся, нос морщится. – Что за запах?

Я вхожу в её пространство, играю с её светлыми локонами.

– Ничего. Ошибка с камином.

Её тяжёлое дыхание и пульс режут в ушах. Мой взгляд на её блузке, туго облегающей грудь. Я ухмыляюсь. Её волосы в беспорядке, пальцы чешутся их коснуться. Её сочный аромат расцветает между нами, я едва сдерживаю стон.

Я отступаю, выгибаю бровь. Хочу, чтобы она осталась, хоть её сердцебиение кричит, что она готова бежать. Вкла-

дываю волю в голос:

– Останься на минутку. Прошу прощения за свои манеры.

Она скрещивает руки, наклоняет подбородок.

– Зачем?

Действительно, зачем. Михаил велел быть вежливым, и я не хочу, чтобы она ставила меня на одну доску с дураком с ракушками.

– Я был груб, и, как напомнил Михаил, ты гостья.

Её пухлые губы сжимаются, хочется прижать её к себе.

– Пойдём, сыграю тебе, – указываю на пианино.

– Нет, спасибо, искала Михаила.

– Зачем? – волосы на затылке встают. – Что-то нужно?

Она трёт щёку, раздражённая.

– Хотела принять ванну, но горячей воды нет. Пошла искать его, услышала музыку. Не хотела мешать.

– Простите. Реконструкция усадьбы – сложное дело. Она старая. Надеюсь, Михаил дал тебе лучшую комнату с видом на сад. К твоему приезду ремонт не закончили.

– Да, всё выглядит недоделанным. Поэтому нет персонала?

– Верно. Хочешь вина? Я годы не играл для других, – указываю на винный шкаф и кресла. – Михаил занят.

На неопределённый срок, вероятно, разбирается с Лешим.

Она пожимает плечами, но идёт не к креслам, а к пианино, разглядывая ноты. Я ухмыляюсь – она не сбежала. Она

садится на край скамьи, как добыча, готовая рвануть.

– Шопен? – спрашивает она.

Я сажусь рядом, радуясь, что она осталась.

– Ты играешь? – её волосы переливаются, ладони потеют от желания коснуться.

– Нет, но слушала, как играла бабушка. Знаю одну мелодию.

Я сжимаю кулаки, желая понять, что вызвало её счастливую улыбку.

– Сыграй мне.

– Ни за что.

– Почему? – выгибаю бровь, видя, как её плечи напрягаются.

– Это глупо.

– Почему твоя игра должна быть глупой?

Её зелёные глаза мелькают на меня, затем отводятся.

– Смотрел «Большой» с Томом Хэнксом?

Я хмурюсь, качаю головой.

– Старый фильм, 80-е. Мальчик хочет стать взрослым, просыпается в теле мужчины. Идёт в магазин игрушек, играет мелодию на напольных клавишах, – её руки оживают, лицо светится. – Ему двенадцать, но он спит с девушкой, – её взгляд ловит мой, щёки алеют. – Неважно.

Ирония. Как бы она отреагировала, узнав мой возраст? Убежала бы в страхе?

– Сыграй, – повторяю, подвигаясь, давая место, указывая

на клавиши.

– Что?

– Песню из фильма. Сыграй.

Она смотрит на клавиши, избегая моего взгляда.

– Ни за что. Я слышала, как ты играешь. Ты маэстро.

Я ловлю себя на желании закатить глаза, но кладу руку на её запястье, поглаживая большим пальцем. Её тепло колет пальцы.

– Пожалуйста?

Её губы приоткрываются, и я знаю, кто-то где-то ликует.

«Пожалуйста» из моих уст – неслыханно.

– Ладно, – говорит она, но улыбка противоречит нахмуренным бровям.

Её пальцы дрожат, но играют лёгкую, весёлую мелодию. Она хихикает, и я под её чарами, жажду видеть, как её глаза морщатся снова. Смеюсь, желая, чтобы она попала под это заклинание.

– Ты сама маэстро.

Её глаза расширяются, голова откидывается, она смеётся, обхватив талию. Она прекрасна, полна жизни. Я не могу отвести взгляд.

– Твоя очередь, – она подвигается ко мне, я хмурюсь, качая головой.

– Сыграй ещё раз, – прошу я.

Она улыбается, играет снова.

– Приятно, видишь? Не глупо, особенно когда ты так улы-

баешься.

Мои пальцы касаются её рук, её губы приоткрываются, глаза расширяются. Я беру её ладони, отмечая их хрупкость, мягкость.

– Позволь показать другую мелодию.

Я веду её руки по клавишам, играя тихую мелодию, забытую веками. Простую, но греющую грудь.

Её глаза смягчаются.

– Она прекрасна.

– Да, – отвечаю, глядя на неё, любясь, как огонь золотит её волосы.

Она ловит мой взгляд, прикусывает губу, и воздух наполняет новый аромат. Чёрт меня побери.

– Иди сюда, – шепчу, ловя её лёгкое сглатывание.

Я жду её выбора, очарованный её сопротивлением моему принуждению.

– Не уверена, что это хорошая идея, Владимир, – говорит она.

– Почему? – провожу пальцами по её щеке, её глаза темнеют.

Она отстраняется, я отпускаю.

– Из-за этого, – указывает на нас. – Что бы это ни было.

– Что ты имеешь в виду, Аделина?

– Ты груб, говоришь: «Одевайся прилично», – она грозит пальцем, передразнивая. – А потом целуешь, как у моста. Я не понимаю тебя.

Я одариваю кривой улыбкой, сдерживая гнев.

– Я так не говорю.

– Говоришь, – она качает головой, смеётся.

Её смех трогает что-то в груди, а свет огня в её глазах и её аромат делают её притягательнее ведьмовских чар. Я вдыхаю – никакого колдовства, лишь её запах.

Я теряю контроль, касаюсь её щеки, не в силах удержаться. Её пухлые губы манят.

– Хочу тебя поцеловать. Можно?

Слова вырываются, я жажду её губ.

Она вздрагивает, когда моя рука опускается ниже, спрашивая разрешения. Она прислоняется, касаясь губами моих, и я теряю контроль. Она хочет меня, как я её.

Мои губы находят её, я стону от её вкуса. Это должен быть лишь поцелуй, но я хочу большего – её жар, её возбуждение, чтобы они проглотили меня.

Она прерывает поцелуй, вскрикивает, когда я подхватываю её и встаю, усаживаясь в кресло у полок, вдали от света. Она на моих коленях, её пальцы сжимают рубашку. Она снова целует, стон вырывается из неё. Мой манёвр заставляет тело замереть, кровь вспыхивает. Я обхватываю её горло, слегка сжимаю, отстраняя, сдерживая натиск.

– Аделина.

Я напоминаю себе, что она человек, гостя, но её вкус и стоны сводят с ума. Она мягкая, хрупкая. Я не могу перестать касаться. Клыки впиваются в дёсны, я борюсь, чтобы

их удержать, сосредоточившись на ней.

– Посмотри на себя. Красивая, отзывчивая, – мурлычу я.

Я хлопаю в ладоши, гася свет, зная, что она не увидит.

Выпускаю клыки, расслабляясь.

Шаги за дверь. Я подавляю шипение.

– Открой дверь – и умрёшь, – оскаливаюсь.

Раздражение Михаила чувствуется через стену. Придётся напомнить ему о иерархии. Его нюх и слух почти как мои, он знает, что мы делаем, и пытается остановить, боясь, что я зайду слишком далеко. Если бы он знал.

Аделина замирает, её глаза расширяются, осознавая, что нас застали.

– Боже, – хрипит она, посмеиваясь.

– Чего хочешь, Михаил?

– Ужин готов, – отрезает он, раздражение в голосе.

Аделина краснеет, я глажу её щёку. Она восхитительна.

Я сдерживаю ухмылку, боясь, что она увидит клыки.

– Спустимся, Михаил.

Его шаги удаляются. Я ловлю её ошеломлённый взгляд.

Я сжимаю её в объятиях, встаю, ставлю на ноги, нежно целую. Она смотрит, будто у меня две головы, когда я поправляю её блузку и целую в нос.

Кладу руку на её поясницу, веду к боковой двери.

– Приведёшь себя в порядок и спустишься к ужину?

Она моргает, кивает, как в трансе.

Удивительно.

Глава 12

Аделина

– Мясо не кажется вам... слишком розовым? – я смотрю на сырой стейк, из которого сочится кровь, и решаю ограничиться салатом. Мужчины, похоже, едят всё подряд.

– Ох, сейчас исправлю, – Михаил забирает мою тарелку. – Поджарю ещё немного.

Его стул царапает пол, шаги эхом отдаются в сторону кухни.

– Спасибо, – неловко бормочу я, жалея, что он ушёл. Остаться наедине с Владимиром – последнее, чего я хочу. Моё тело всё ещё дрожит от его прикосновений и поцелуев, а его взгляд только усугубляет ситуацию.

Я тереблю столовые приборы, избегая смотреть на него. Старинный стол гармонирует с чёрно-зелёными стенами и готическим ковром. Чёрные и кремовые свечи повсюду, а низкая железная люстра добавляет мрачной роскоши. Это место – мечта любого гота, особенно с его точёной челюстью и тлеющими тёмными глазами.

– Аделина? – голос Владимира вырывает меня из мыслей. Мои щёки горят, я натягиваю улыбку.

– Да?

– Хотел бы знать, о чём ты думаешь, – его тон лёгкий, но с чувственным подтекстом.

Я думаю, что ты заставляешь меня чувствовать себя свободнее, чем я была. С Марком искры летели – он говорил правильные слова, но, возможно, их подсказывал мой отец. С тобой всё иначе – ты настоящий. Сварливый, но иногда такой нежный. Мне тяжело быть рядом, зная, как нас тянет друг к другу. Я вспоминаю, как твоё сильное тело прижималось ко мне, как твой язык творил чудеса. Боже, я глупа.

Я ошибаюсь, взглянув на него. Желудок сжимается, тело дрожит. Говорят о бабочках, но у меня в животе – стая птиц. Как он одним взглядом превращает меня в лужу? Его красота должна быть вне закона.

Я хватаюсь за первое, что приходит в голову.

– В моей комнате до сих пор нет горячей воды. Пробовала раковину – ледяная. Пришлось принимать холодную ванну, чтобы переодеться.

Его брови хмурятся.

– Ремонт только завершён, но что-то могли упустить. Можешь пользоваться моей ванной, пока твою не починят. Она недавно отремонтирована, тебе понравится.

Моё сердце колотится при мысли о его комнате. Откуда это внезапное обаяние? Он улыбается, уголки губ изгибаются, напоминая волка из «Красной Шапочки». Кажется, он хочет меня съесть, и моё тело готово это позволить.

Щёки пылают, но не он заставляет меня чувствовать неловко. Я никогда не вела себя так – не целовала мужчину через сутки после знакомства. Полина сказала, что в отпуске

можно всё. Даже случайную интрижку. Странно, но с ним я чувствую себя в безопасности.

– Я оставил твой багаж в комнате, Аделина. Авиакомпания доставила его, – Михаил возвращается с дымящейся тарелкой, и я вздыхаю с облегчением.

– Они нашли его? – мой голос оживает. – Спасибо, Михаил. Может, теперь Владимир оставит мой гардероб в покое, – добавляю с энтузиазмом.

Владимир выгибает бровь.

– Сомневаюсь.

Я смеюсь, качая головой.

– Вообще-то, я собиралась в Таиланд, так что спасибо и за это.

– Как ты здесь оказалась? – спрашивает Михаил, ставя передо мной стейк, уже не сырой.

Владимир сидит, скрестив руки, явно желая знать то же. Михаил, похоже, не хочет оставлять нас наедине. Боже, он чуть не застал нас!

– Планировала пляжный отдых, но всё сорвалось. Вместо дома обменяла билеты на Москву, – неловкость растёт, я не хочу говорить, что застала Марка с другой. Слезы и расстройство спутали мои планы при бронировании.

Михаил тепло улыбается.

– Нам повезло.

– Верно, – взгляд Владимира обжигает, вызывая дрожь по спине.

Его взгляд заставляет чувствовать себя школьницей, впервые влюблённой. Мысль, что он хочет меня так же, как я его, почти нереальна. Я улыбаюсь Михаилу, пытаюсь остыть, и осматриваю столовую, глотая еду.

– Хотела спросить про экскурсию по усадьбе, Михаил.

Он кивает, садясь за свой стейк.

– Конечно. Скажите, когда захотите, я свободен.

– Это не нужно, – тон Владимира резкий, между ними чувствуется напряжение. Неужели соперничество?

Я легонько пинаю его под столом.

– Завтра Михаил покажет мне усадьбу. У тебя, уверен, дел полно.

Михаил ухмыляется.

– Например, открывать двери гостям.

– Да, хотела спросить, – хрипло говорю, вспоминая. – Что со стариком, который меня впустил? Он здесь живёт? Место огромное, я бы не удивилась. Он был такой ворчливый.

Я откусываю мясо и замираю. Их лица кричат: «Какого чёрта?» Что я сказала?

Владимир поперхнулся, Михаил заговорил.

– Он в отпуске, навещает семью на Сахалине.

– О, мило! Слышала, там красиво, – говорю я, пока Владимир кашляет, будто умирает. – Ты в порядке?

– Всё хорошо, – хрипит он.

Михаил откашлялся.

– В усадьбе шестьдесят две комнаты, одно крыло пустует.

Есть бальный зал и подвал.

– Звучит грандиозно, – взгляд Михаила смягчается. – Завтра посмотрим, что захотите.

Я смотрю на его костюм, словно из XIX века.

– Вы увлекаетесь исторической реконструкцией? Поэтому такой наряд?

Его щёки краснеют, но он кивает.

– Да, что-то вроде.

– Потрясающе! Можно помочь? Исторический костюм здесь был бы шикарен. Жаль, что Хэллоуин прошёл, но это круто в любое время, особенно в такой старинной усадьбе.

– Круто, – Владимир смотрит в стакан, допивая его.

Михаил ухмыляется, как победитель лотереи.

– Верно! Аделина, что бы вы хотели видеть в такой реконструкции?

Волнение вспыхивает. Если помогу, это будет невероятно. Усадьба – готический рай, будто здесь живут вампиры или вурдалаки. Если бы тут жил вурдалак, что у него было бы, кроме усадьбы?

– С вашей вампирской атмосферой, думаю, стоит...

Владимир хватается мою руку, его холод шокирует.

– Боже! – я накрываю его руку своими, растирая. – Почему ты такой ледяной? Может, поднять отопление?

– У него больное сердце, – Михаил запихивает мясо в рот.

Я сжимаю руку Владимира.

– Больное сердце?

– Дефицит железа, не болезнь, – Владимир буравит Михаила взглядом, тот озорно ухмыляется.

Странно. Но Владимир говорит, будто ничего не произошло.

– Михаил, Аделина сказала, что в её ванной нет горячей воды.

В глазах Михаила вспыхивает беспокойство.

– Понял. Завтра найду мастера.

Я киваю, доедая мясо и откидываясь на стул.

– Очень вкусно, спасибо. В следующий раз нужен чесночный хлеб – добавит изюминку.

Владимир откашлялся.

– Договорились. Показать ванну?

– Хорошо, ледяной человек, – мы идём молча, застенчивость и предвкушение греют щёки. Он указывает на новый коридор с голыми стенами.

– Что здесь?

– Переместили антиквариат в другое крыло. Старая броня и оружие – небезопасно для гостей, – говорит он, не сбавляя шага.

– Понятно.

Он открывает дверь в свою спальню, пропуская меня. Размер его кровати заставляет челюсть отвиснуть.

Спальня готическая, с тёмно-синими обоями, пахнущими им. Тёмная мебель, синие простыни и кремовый диван создают мужественный, но уютный вид.

– Ванная там, – он игнорирует моё потрясение, слава богу.

Я захожу в ванную, и челюсть падает снова. Высокие зелёные стены гармонируют с ковром и стульями. Люстра в ванной? Мраморная ванна для двоих, смеситель в виде львиной пасти, овальное зеркало – всё роскошно.

– Одобряю. Потрясающе.

– Пользуйся, когда хочешь. Я предпочитаю душ, – он указывает на стену с восемью насадками, включает их, пар поднимается. Скамья внутри – для двоих.

– Изысканно.

Он хочет что-то сказать, но передумывает, выключая душ.

– Полотенца в шкафу. Я в кабинете, третья дверь слева.

– Спасибо.

Он уходит, дверь тихо щёлкает. Я выдыхаю, сходя с ума. Эта ванная! Я фотографирую, беру бутылку с древесным ароматом, напоминающим его. Наполняю ванну, предвкушая, как буду купаться в его запахе, в его пространстве.

Я могла бы к этому привыкнуть.

Глава 13

Владимир

Я слушаю через дверь кабинета, как наполняется ванна. Шелест ткани, падающей к её ногам, подтверждает, что она обнажена. Похоть охватывает меня. Она в моей ванне. Чёрт. Телефон вибрирует в спальне, я бормочу проклятья. За этой штукой сложно угнаться.

Я вхожу тихо, хватаю телефон с комода и замираю. В зеркале ванной – обнажённая Аделина. Дверь приоткрыта. Клыки выпадают, я едва сдерживаю рычание. Её грудь над водой, кожа бёдер – слюна течёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.